

“...убил его жутким образом — внедрив в его сознание кошмарный сон”

ДЖОН Вердон

ВОЛЧЬЕ ОЗЕРО

MASTER DETECTIVE

CoRpus

НОВЫЙ РОМАН О ДЕТЕКТИВЕ ДЭЙВЕ ГУРНИ

Дэйв Гурни

Джон Вердон
Волчье озеро

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вердон Д.

Волчье озеро / Д. Вердон — «Corpus (АСТ)», 2016 — (Дэйв Гурни)

ISBN 978-5-17-113461-7

«Волчье озеро» – пятый детективный роман Джона Вердона о полицейском в отставке Дэйве Гурни. Погибли четверо молодых людей. Предстоит выяснить, покончили ли они с собой или им кто-то поспособствовал. В полиции считают, что всех четверых подтолкнул к самоубийству Ричард Хэммонд, психолог и гипнотизер. Но Гурни эта версия кажется не слишком убедительной, и он начинает собственное расследование. Которое приводит его к истории, случившейся много лет назад в одном детском летнем лагере.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113461-7

© Вердон Д., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Часть первая. Смертоносные сны	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	55
Глава 15	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джон Вердон Волчье озеро

John Verdon
Wolf Lake

© John Verdon, 2016

© Л. Григорьева, перевод с английского, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Наоми

Часть первая. Смертоносные сны

Пролог

Освещенная лунным светом, она стояла между двумя огромными тисами на самом краю замерзшего озера и дрожала от озноба. Никогда еще ей не было так холодно и страшно. От одного лишь вида полной луны над зубчатыми верхушками деревьев по коже бегали мурашки. Казалось, поникшие ветки превращаются в изувеченные руки, которым стоит лишь потянуться вниз и...

Так! Хватит! Она тряхнула головой – нельзя давать волю фантазии, она и так в ужасном положении.

Издалека послышался звук приближающегося мотоцикла – сначала по грунтовой дороге, затем по извилистой тропе, ведущей от дороги к озеру. Чем ближе становился звук, тем сильнее давило у нее в груди.

Показался свет фар, мелькнул в деревьях, осветил просеку, разделявшую сосны и исполинские тисы. Ей стало не по себе.

Он остановился прямо перед ней, заглушил мотор, широко расставил ноги, удерживая тяжелый мотоцикл. Мотоцикл принадлежал его старшему брату, а он катался на нем без прав.

В его взъерошенных волосах блестели снежинки. Непонятно было, он взволнован или ей так кажется. По телефону она говорила ему что-то невразумительное, в страхе и спешке. Луна освещала его сзади, лица не было видно, но она чувствовала, что он пристально смотрит и ждет объяснения, почему они встречаются именно здесь.

Она слышала его дыхание, стук его сердца. Но такого быть не может. Наверное, это стучало ее сердце, ее пульс отчаянно звенел в ушах.

Она много раз репетировала, что скажет, но сейчас, в этом зловещем лесу, голос подвел ее.

– В чем дело? – спросил он. – Что случилось? – Его голос прозвучал необычно резко.

Прикусив нижнюю губу, она прерывисто вздохнула и с трудом выговорила шепотом те самые слова.

Он глубоко вздохнул, но ничего не сказал в ответ.

Слышал ли он ее? Она не знала и в душе надеялась, что нет.

Облака медленно наплывали на луну.

Она не знала, сколько прошло времени. Он завел мотоцикл, резко повернул ручку газа и рванул по заледеневшему озеру; рев двигателя рассекал холодный воздух, сверкала хромированная выхлопная труба, отражая свет луны, почти спрятавшейся за облаками.

Вскоре вдалеке, на середине озера, удаляющийся рев мотора прервался страшным треском; снова и снова, словно кто-то стрелял из пистолета с глушителем, лед трескался под весом мотоцикла. Раздался глухой всплеск... Затем змеиное шипение уходящего под воду раскаленного мотора... И наступила мертвая тишина.

Луна полностью скрылась.

Кругом – темнота. Ни звука. Ни света. Ни мыслей. Ни надежд. Ни чувств.

А потом раздался крик. Совершенно дикий крик, продолжавшийся до бесконечности.

Позже она осознала, что кричала она сама.

Глава 1

Дикобраз вел себя крайне странно. Бессмысленность его поведения даже вызывала беспокойство, во всяком случае у Дэйва Гурни.

В то промозглое утро в начале декабря Дэйв сидел у окна своего кабинета и разглядывал ряд оголенных деревьев на северной стороне старого пастбища. Он внимательно наблюдал за необычайно толстым дикобразом, который расхаживал по низкой ветке дерева. Медленно и, казалось, совершенно бесцельно зверь ходил взад-вперед.

– Какие снегоступы ты возьмешь?

Мадлен стояла на пороге кабинета, в одной руке держа традиционные деревянные снегоступы с ремешками из сыромятной кожи, а в другой – пару современных, из металла и пластика. Ее темные короткие волосы были растрепаны, как обычно и бывало, когда она вылезала с чердака или из тесной кладовки.

– Я еще не решил.

Они собирались на несколько дней остановиться в гостинице в Грин-Маунтинс в Вермонте – покататься на лыжах и погулять в снегоступах. В этом году в местных Катскильских горах еще не выпал снег, а Мадлен обожала снег.

Она кивнула в сторону окна:

– Все следишь за нашим маленьким гостем?

Он соображал, как бы ответить, сразу решив: не стоит упоминать о том, что дикобраз напоминает ему одного неуклюжего престарелого гангстера. Прошло три года с тех пор, как он ушел в отставку из департамента полиции Нью-Йорка, и наконец-то они с Мадлен научились понимать друг друга почти без слов. Формально он уже не был следователем в отделе убийств, где проработал больше двадцати лет, и было понятно, что он уже никогда не превратится в байдарочника, велосипедиста и большого любителя природы, как на то надеялась Мадлен. Однако следовало найти компромисс. Он согласился больше не говорить о том, как его нынешняя жизнь в горной деревеньке на севере штата Нью-Йорк будоражит в нем воспоминания о былых уголовных делах. А она пообещала, что больше не будет переделывать его, пытаясь превратить в того, кем ему не стать. Увы, компромисс этот иногда оборачивался недомолвками.

Он снова посмотрел в окно.

– Я пытаюсь понять, что же он замышляет.

Мадлен прислонила снегоступы к стене, подошла к нему и глянула в окно. Несколько секунд она наблюдала за колючим зверьком, расхаживающим по ветке.

– Он просто занят каким-нибудь обычным дикобразьим делом. Тем же, чем был занят вчера. Что в этом плохого?

– Мне непонятно, что он делает.

– А вот ему, наверное, понятно!

– Только если он спятил. Или притворяется сумасшедшим, что маловероятно. Смотри, он медленно-медленно идет до конца ветки. Очень неуклюже разворачивается. И идет обратно. Он тратит силы... Зачем?

– Во всем тебе нужно разобраться!

– В конечном счете, все поддается объяснению. А в данном случае я хотел бы убедиться, что причина такого поведения – не бешенство.

– Ну почему сразу бешенство?

– От бешенства животные сходят с ума.

– А ты уверен, что у дикобразов бывает бешенство?

– Да, я проверил. Вот, думаю установить пару фотоловушек, чтобы можно было изучать, чем он занимается, когда слезает с дерева.

Во взгляде Мадлен чувствовалось то ли недоумение, то ли укор.

– Камеры видеонаблюдения, – пояснил он, – с датчиками движения.

– Камеры? Боже мой, Дэвид, скорее всего, он просто живет своей дикобразьей жизнью, а ты ведешь себя так, будто он совершил какое-то страшное преступление. – Она задумалась. – Кстати, где ты собираешься раздобыть камеры?

– У Джека Хардвика. У него их куча.

Он не стал напоминать ей, что камеры остались с тех пор, как они с Хардвиком собирались использовать их в деле Питера Пэна, но, судя по мрачному выражению лица Мадлен, она сама все вспомнила. Чтобы отвлечь ее от дурных мыслей, он добавил:

– Я уверен – все станет ясно, когда я увижу, как дикобраз поведет себя на земле.

– Тебе не кажется, что ты немного перегибаешь палку?

– А если у этой твари действительно бешенство?

Мадлен взглянула на него с тем странным выражением, которое он никогда не мог разгадать.

– Послезавтра мы уезжаем в Вермонт.

– И что?

– Ну и когда же ты собираешься воплощать свою задумку с камерами? – Мадлен явно была озабочена. – Когда ты будешь собирать вещи?

– Боже мой, мы едем всего на три дня.

– На четыре.

– Какая разница?

Дэйв вышел из кабинета в поисках своего мобильного, вдогонку ему раздался голос Мадлен:

– А тебе не приходило в голову, что дикобраз, быть может, самый безобидный зверь, и не твоего ума дело, почему он ходит туда-сюда по этой несчастной ветке?

Глава 2

Через полчаса солнце стояло уже высоко над восточным хребтом. В сухом морозном воздухе искрились кристаллики льда.

Гурни, не обращая внимания на эту красоту, стоял у стеклянной двери, в кухне их большого фермерского дома. Он внимательно смотрел в сторону нижнего пастбища, где возле красного амбара прерывалась узкая городская дорога и начинались их пятьдесят акров – в прошлом скотоводческая ферма, заброшенная еще со времен упадка молочной промышленности на севере штата.

Дэйв и Мадлен рано завершили карьеру в городе и переехали в сельскую местность на запад Катскильских гор, где, несмотря на упадок, было необыкновенно красиво. Сразу стало ясно, что Мадлен в восторге от этих мест. Неутомимая и непритворная, она обожала природу и наслаждалась каждой минутой – будь то поход по ягоды, сплав на каноэ или просто прогулка по старым лесным тропинкам. Она легко и с удовольствием приспособилась к новой обстановке.

А Дэйв все никак не мог освоиться.

Но сейчас этот вопрос, иногда вызывавший у них разногласия, совершенно его не волновал. Он был сбит с толку разговором с Джеком Хардвиком.

Хардвик необычайно приветливо ответил на звонок, обойдясь без своих обычных шуточек. Он говорил так дружелюбно, что Гурни подумал, не разыгрывают ли его, и все ждал какого-нибудь подвоха. Но обошлось. Хардвик охотно согласился дать Дэйву камеры и даже вызвался их привезти. Причем прямо сейчас.

Гурни стоял у стеклянной двери и размышлял над столь нехарактерным для Джека желанием помочь; между тем со второго этажа спустилась Мадлен с двумя спортивными сумками – синей и зеленой. Она бросила их на пол и спросила:

– Какую возьмешь?

Дэйв взглянул на сумки:

– Все равно.

– В чем дело?

Дэйв рассказал ей про разговор с Джеком.

Мадлен прищурилась:

– То есть он едет к нам? Сейчас?

– Судя по всему, да.

– А к чему такая спешка?

– Хороший вопрос. Думаю, узнаем, когда он приедет.

Как по заказу, откуда-то из-за амбара, с дороги донесся раскатистый гул огромного восьмицилиндрового мотора. И уже через мгновение Хардвик на своем классическом маслкаре, красном “пontiаке GTO” 1970 года, рассекал заросшее пастбище.

– Он не один в машине, – сказала Мадлен.

Гурни не любил сюрпризов. Через прихожую он прошел к боковому входу, открыл дверь и стал наблюдать, как Хардвик паркует броский, угловатый “пontiак” рядом с его пыльным, неприметным “аутбеком”.

Первым из машины вылез Хардвик; на его тонких губах как обычно играла уверенная улыбка, совсем не излучавшая тепла. Дополняли образ бледно-голубые глаза и подчеркнута однотонная одежда: черные джинсы, черный свитер и черная ветровка.

Впрочем, Гурни сосредоточился на спутнице Джека. На первый взгляд она показалась ему тусклой и безликой. Крупная, простая женщина лет сорока с небольшим в стеганой зимней куртке и нелепой лыжной шапке.

Когда она подошла к двери, Гурни любезно улыбнулся ей и вопрошающе оглянулся на Хардвика, от чего и тот, кажется, заулыбался еще шире.

– Ты, наверное, думаешь: “Где же камеры, которые он должен был привезти?” Так ведь? Гурни снисходительно ухмыльнулся и ничего не сказал.

– Как твой верный ангел-хранитель... – Хардвик сделал паузу для драматического эффекта и с удовольствием продолжил: – Я привез тебе кое-что куда более ценное, чем эти чертовы фотоловушки. Мы войдем?

Гурни провел их в длинную комнату, которая соединяла в себе кухню, столовую и гостиную с каменным камином.

Мадлен натянуто улыбалась: за годы службы в полиции Гурни и его бывший напарник, непростой человек, прошли через череду смертельных опасностей.

– Мадлен, потрясающе выглядишь, – сказал Хардвик.

– Давайте ваши куртки!

– Спасибо.

Джек помог грузной даме, стоявшей рядом. Он картинно снял с нее куртку, словно торжественно представляя публике нечто потрясающее.

– Дэйв, Мадлен, позвольте представить... Джейн Хэммонд.

Мадлен улыбнулась и кивнула. Гурни протянул руку, но женщина замотала головой.

– Приятно познакомиться, но, если можно, обойдемся без рукопожатий. На мне куча микробов.

Она стянула с головы шерстяную шапку, под которой обнаружилась не требующая особого ухода прическа.

Поняв, что Джейн не узнали, Хардвик добавил:

– Джейн – сестра Ричарда Хэммонда.

Лицо Гурни выражало явный интерес к дальнейшему рассказу.

– Ричард Хэммонд, – повторил Хардвик, – тот самый Ричард Хэммонд, про которого уже месяц говорят в новостях всех главных каналов.

Мадлен слегка встревожилась.

– Гипнотизер?

Джейн Хэммонд осторожно возразила:

– Не гипнотизер, а гипнотерапевт. Всякий мошенник может назваться гипнотизером и раскачивать маятник, притворяясь знатоком. Мой брат – психолог из Гарварда, и он использует самые продвинутые техники.

Мадлен сочувственно кивнула, будто говорила с ранимой пациенткой психиатрической клиники, где она работала.

– Но ведь в новостях его называют гипнотизером, да?

– Как только они его не обзывают! Эти так называемые новостные передачи – просто мерзость! Им плевать на честность, они без конца врут. – Джейн закашлялась. – Аллергия, – пояснила она. – Похоже, на каждый сезон у меня новая аллергия.

– Кстати, может быть, мы сядем? – предложил Хардвик.

Гурни не успел возразить, а Мадлен уже пригласила всех за круглый сосновый стол на кухне, и Хардвик с согласия Джейн вдохновенно пустился рассказывать о том, в каком странном положении оказался Ричард Хэммонд.

Глава 3

– Вы наверняка слышали про особняки в Адирондаке. Их построили лет сто назад богачи вроде Рокфеллера и Вандербильта, словом, бароны-разбойники. Необъятные участки земли, огромные дома, места полно – и для гостей, и для слуг. Один из домов построил малоизвестный магнат Далтон Голл, подлый мерзавец, заработавший состояние на добыче олова. О его внезапной смерти ходят странные слухи, я вам еще про это расскажу.

Джек сделал паузу, будто желая подчеркнуть слова “о внезапной смерти”.

– Какие-то дома после обвала фондовой биржи стали разрушаться, поскольку их было безумно дорого содержать. В других открыли музеи, где теперь прославляют построивших их рвачей. Некоторые были переделаны в образовательные центры, где юные натуралисты изучают кружевные листья папоротников.

Услышав замечание про юных натуралистов, Мадлен, стоявшая с кофейником около раковины, с холодным прищуром взглянула на Джека. Он продолжал:

– Некоторые дома до сих пор содержатся потомками исконных хозяев; обычно те переделывают их в конгресс-центры или роскошные гостиницы. Итан Голл, праправнук Далтона, проникся идеей пафосной гостиницы, но решил добавить кое-что еще для заскучавших богачей. Что-то вроде “совершенствуйся, пока отдыхаешь” – такая вот мура. Секреты франко-вьетнамской кухни. Тайны душевного равновесия из Непала. На тайные знания всегда большой спрос. А поскольку даже у самых богатых имеются дурные привычки, от которых они хотели бы избавиться, Итан пригласил всемирно известного психолога Ричарда Хэммонда, практиковавшего уникальный метод гипноза. Так его гостиница стала выделяться на фоне других роскошных домов Адирондака. Ведь только там можно было пройти терапевтический сеанс у самого Ричарда Хэммонда, а потом козырнуть этим перед друзьями на званом ужине.

Джейн Хэммонд нервно комкала в руке использованную салфетку:

– Я должна кое-что уточнить. Не хочу, чтоб у мистера Гурни сложилось неверное впечатление о моем брате. Я не знаю, каков был замысел Итана Голла, но уверяю вас, Ричард очень серьезно относится к своей работе. То, что произошло, эти обвинения – это просто оскорбительно! – Джейн с горечью взглянула на растерзанную салфетку.

Хардвик продолжил свой рассказ:

– Так вот. Неважно, каковы были мотивы Итана; он на два года заключил с доктором Хэммондом очень щедрый договор, включавший массу привилегий, в том числе – отдельный дом на территории комплекса. Все шло путем, если бы как-то вечером, пару месяцев назад, доктору Хэммонду не позвонил следователь из Палм-Бич.

– Флорида, – уточнила Джейн.

– Верно. Оказалось, за несколько дней до того двадцатисемилетний Кристофер Хоран покончил с собой. Перерезал вены в своей шикарной квартире на Береговом канале. Казалось бы, никакого криминала. Однако, как только местная газета написала про самоубийство, в полицию Палм-Бич явился пастор с любопытным рассказом. За пару дней до самоубийства к нему приходил Хоран и жаловался, что уже неделю не может спать. Как только он засыпал, ему каждый раз начинал сниться один и тот же кошмар. Хоран говорил, что хочет умереть.

Хардвик замолчал, словно хотел, чтобы до всех дошел смысл сказанного.

Гурни и вообще не очень понимал, какого черта происходит этот разговор с Джеком и Джейн, но и в рассказе Хардвика ему явно чего-то недоставало.

– То есть доктор Хэммонд узнал об убийстве от следователя из Палм-Бич?

– Именно так.

– Не понимаю.

– Хоран рассказал пастору, что кошмары начались после того, как доктор Ричард Хэммонд путем гипноза помог ему бросить курить. Следователь позвонил Хэммонду, чтобы узнать, действительно ли тот лечил покойного. Ричард сослался на закон о врачебной тайне, конфиденциальность и тому подобное, но поинтересовался, в чем же все-таки дело. Следователь все ему объяснил и спросил, бывало ли, что гипноз вызывал побочные эффекты в виде ночных кошмаров и суицида. Ричард сказал, что никогда не слышал о такой реакции. На том бы все и закончилось... Но через неделю ему снова позвонил следователь, только уже из Тинека, Нью-Джерси.

Гурни молча ждал продолжения. Мадлен округлила глаза.

– Еще одно самоубийство, снова порезанные вены. Лео Бальзак, двадцать восемь лет. Изучив календарь в смартфоне погибшего, следователь из Тинека вышел на местного психотерапевта, у которого Бальзак побывал за два дня до смерти. Следователь пошел к психотерапевту, снова завязалась вся эта чепуха с врачебной тайной, но в итоге он выяснил, что Бальзак мучался кошмарами с тех самых пор, как некий доктор Хэммонд загипнотизировал его от курения.

Гурни был озадачен:

– Выходит, второй полицейский, как и первый, позвонил Хэммонду узнать про сеанс гипноза, так?

– Так. А Хэммонд точно так же ему и ответил.

Джейн оторвала взгляд от стола.

– Не совсем так. Ричард настаивал на том, что его терапия не могла стать причиной кошмаров, а вдобавок еще и рассказал второму следователю о звонке первого. Ричарду было ясно, что происходит нечто странное, и он хотел, чтобы у обоих полицейских была полная картина происходящего. Понимаете, как важна эта деталь?

Ни Хардвик, ни Гурни не ответили, и Джейн пояснила:

– Едва ли полицейские из Флориды и Нью-Джерси связали бы эти два самоубийства, если бы не Ричард с его желанием помочь. Он сам добровольно все рассказал. Что доказывает его невиновность.

Гурни и Хардвик недоверчиво переглянулись.

– Если я правильно помню, – спросила Мадлен, – в новостях было еще что-то?

– До фиги всего! – ответил Хардвик. – Самая жуть еще впереди!

Перед тем как Хардвик продолжил, Мадлен принесла из кухни поднос с четырьмя кружками кофе, молоком и сахаром.

Джейн взяла ближайшую к ней кружку, поблагодарила ее, а затем бесцеремонно оглядела Мадлен с ног до головы, как бы оценивая ее стройное, спортивное тело – все еще изящное и сексапильное. Джейн улыбнулась:

– Вы гораздо моложе, чем я себе представляла.

– Моложе?

– Джек сказал, что Дэйв вышел на пенсию. А слово “пенсия” ассоциируется с парой седых старичков, копошащихся в саду. А вы оказались... такими. Сама вы выглядите лет на тридцать пять, а муж ваш – вылитый Дэниел Крейг.

Мадлен засмеялась:

– Он, может, и похож на Дэниела Крейга, но мне уже давно не тридцать пять. Спасибо, вы очень любезны.

Гурни объяснил:

– Большинство копов выходит на пенсию после двадцати пяти лет стажа. Это нормально – уйти в отставку и, знаете ли, заняться чем-нибудь еще. – Он угрюмо осекся на полуслове, и стало ясно, что сам он не до конца верит в то, что сказал.

– Так, – сказал Хардвик, и это короткое слово, будто удар судейского молотка, вернуло их к изначальной теме разговора. – После того как Тинек связался с Палм-Бич, стало ясно, что пора привлечь к делу полицию штата Нью-Йорк, ведь субъект, объединявший два самоубийства, то бишь Ричард Хэммонд, проживал на их территории. Таким вот образом это престранное дельце досталось старшему следователю Гилберту Фентону.

– Редкостная сволочь, – проворчала Джейн.

Хардвик в знак согласия кивнул головой.

– Ты с ним знаком? – спросил Гурни.

– Да, знаю я его. Так вот, как только дело передали Фентону, тот сразу отправился в имение Голла с целью допросить доктора Хэммонда, разузнать про гипноз насколько можно больше и понять, есть ли во всей этой истории с самоубийствами какой-либо криминал.

Хардвик наклонился вперед, облокотившись о стол.

– Фентон – человек системы и всегда строго соблюдает субординацию. Потому-то сначала он и захотел поговорить с начальством – то есть с Итаном Голлом. Но никто не знал, где Итан. Уже два дня его никто не видел. Понимаете, к чему я клоню?

Гурни пожал плечами.

– Давай рассказывай.

– Четыре дня спустя тело Итана нашли в одном из коттеджей, в полумиле от большого дома. Как выяснилось, проникнуть в тот домик было легко. Туда забрались какие-то звери...

Хардвик сделал паузу, чтобы они могли мысленно представить себе эту картину.

– Оpozнание заняло время. Слепки зубов, потом ДНК-анализ. Судя по уцелевшим частям тела, удалось установить, что по крайней мере на одной руке вены были порезаны. Более того, был найден нож с его отпечатками и в его крови.

– Откуда тебе все это известно?

– Я просто знаю нужных людей.

– Как квалифицировали смерть в Бюро расследований?

– Медицинский эксперт дал неоднозначный отчет, но при этом отметил, что улики не противоречат версии о самоубийстве. Куски тела были либо сожраны, либо украдены животными. Однако порезанные вены, а также очевидная связь с Ричардом Хэммондом убедили Гила Фентона, что это очередное звено в серии подозрительных самоубийств.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь “подозрительные”?

Хардвик сморщился, как будто от изжоги.

– Все три самоубийства очень схожи, и есть “подозрение”, юридически необоснованное, что они отнюдь не являются последствием независимых решений, принятых суицидентами, а были спровоцированы воздействием со стороны.

Гурни нахмурился:

– Так, я не совсем понял.

– В публичных заявлениях Фентон каждый раз повторяет, что Ричард Хэммонд не просто оказал влияние на самоубийц, но, возможно, и сам все организовал. По сути, он считает, что Ричард мог заставить их покончить с жизнью.

– Заставить? – Гурни скептически наклонил голову набок. – Как? Посредством гипнотического внушения?

– Гипнотического внушения и... ночных кошмаров.

– Ты серьезно? Что, Хэммонд вызвал у этих людей кошмары, которые довели их до самоубийства?

– Это версия Фентона, которую тот всякий раз пропихивает в разговоре с журналистами. – Хардвик сделал паузу и с надеждой посмотрел на Гурни. – Как тебе это, а?

– На мой взгляд, полный абсурд.

Джейн хлопнула ладонью по столу.

– Спасибо! Это ровно то, что я говорила с самого начала: глупо даже думать, что Ричард на такое способен.

– Ваш брат когда-нибудь гипнотизировал Итана Голла? – спросил Гурни.

– Конечно. Кстати, Ричард помог ему избавиться от многолетней привычки курить.

– И давно это было?

– Хм, кажется, три... ну, как минимум два месяца назад.

– А вы не знаете, жаловался ли Итан на кошмары?

Джейн растерянно моргнула:

– Тут вышла какая-то неразбериха. У Фентона есть запись снов Итана, сделанная его рукой. Но Ричарду он ничего про них не говорил.

– А остальные? Известно ли что-нибудь про кошмары, которые снились остальным? Что именно им снилось?

Хардвик покачал головой.

– Все сведения, имеющиеся у других отделов, не подлежат разглашению. Так вот, остается еще одна важная деталь этой головоломки. После того как пресс-служба Бюро расследований обнародовала обстоятельства смерти Голла, с Бюро связался следователь из Флорал-Парка, Лонг-Айленд, и сообщил им, что ведет дело о самоубийстве двухнедельной давности; картина та же – сеанс гипноза, кошмары и вскрытые вены. Поначалу он не придал особого значения гипнозу, потому и не удосужился связаться с Хэммондом. Он дал маху, конечно, но ведь не бывает так, чтобы все как по маслу. В общем, погибшим оказался Стивен Пардоза, двадцати шести лет. Тут-то Фентона с его версией окончательно понесло: он собрал целую пресс-конференцию и выступал с гнусными инсинуациями в адрес Хэммонда, фактически обвиняя его в убийствах. Само собой, это вызвало нездоровый ажиотаж среди журналистов.

– Постой, а как детектив из Лонг-Айленда узнал про связь Пардозы с Хэммондом? И про кошмарные сны?

– Пардоза рассказал об этом своему хиропрактику, а тот, обнаружив объявление о смерти Пардозы в “Ньюсдей”, позвонил в полицию.

– Итого, три молодых человека двадцати шести – двадцати восьми лет, а также Итан Голл. Сколько ему было лет?

Хардвик вопросительно посмотрел на Джейн.

Она пожала плечами:

– Чуть больше тридцати. Его брату Пейтону сейчас под тридцать, а Итан старше на пять лет.

Гурни обратил внимание, что Джейн будто бы с неприязнью произнесла имя брата. Он хотел было спросить ее об этом, но Хардвик заговорил первым:

– После того как появились сведения о Пардозе, у Фентона сложилась определенная картинка. Всех четверых, Фентон уже начал называть их жертвами, стали мучить ночные кошмары после лечения у Ричарда Хэммонда – врача, известного своими опытами с гипнозом. По его словам, получается, что Хэммонд какой-то безумный ученый.

– Кстати говоря, – сказала Джейн, – у меня же есть распечатки этих жутких статей, вышедших после той чудовищной пресс-конференции. – Она встала и направилась к двери. – Они остались в машине.

– А что говорит адвокат Ричарда? – спохватился Гурни.

– У Ричарда нет адвоката.

– В его положении без адвоката?

– Увы, да, – Джейн замолкла на несколько секунд.

– Это очень долгая история. Я даже не знаю, с чего начать, – сказала она, опустив голову. – Пойду принесу папку.

– Подождите, я с вами, – сказала Мадлен, – хочу на свежий воздух.

Она поднялась вслед за Джейн и, уходя, так посмотрела на Гурни, что во взгляде ее он ясно прочитал: “Сейчас у тебя есть шанс узнать у Хардвика, что здесь, черт побери, происходит”.

Глава 4

С глухим хлопком закрылась боковая дверь. Хардвик посмотрел на Гурни. В его голубых, холодных, как у хаски, глазах читалось любопытство.

– Ну, Шерлок, какие мысли? Согласись, возникает парочка вопросов по этому делу.

– У меня сейчас по крайней мере штук десять.

– Например?

– Например, какого черта у Хэммонда нет адвоката?

– Он утверждает, что не хочет адвоката, потому что он ему не нужен. Он – невинная овечка, и все эти дикие обвинения развалятся под весом собственной нелепости.

– Это он тебе сказал?

– Так он заявил в своем единственном пресс-релизе. У Джейн в папке есть копия.

– А что подсказывает тебе нутро?

– Надменный, беспокойный, замкнутый, есть в нем что-то странное, что мне аж охота врезать ему по яйцам. По-моему, он сильно напуган, но старается не подавать виду. Хрен знает, почему у него нет адвоката.

– Как ты вышел на его сестру?

– Она пыталась нанять адвоката для Ричарда без его ведома. Адвокатская контора по этическим причинам ей отказала. Однако они предложили ей обратиться к частному детективу и начать расследование от ее имени, чтобы в дальнейшем она сама решала, что делать со всплывшей информацией. Разумеется, посоветовали меня.

– Почему именно тебя?

– Ясно дело, ведь я вставал на защиту ложно обвиненных, да и вообще плевал на начальство, чем и заработал репутацию кости в горле правоохранительных органов.

Хардвик самодовольно ухмыльнулся.

– Зачем ты привез сюда эту...

Хардвик перебил его:

– Зачем я привез сюда доведенную до отчаяния Джейн Хэммонд? Женщину, в чьих глазах застыла тревога? Ту, чей младший брат всегда был для нее эдакой розой с шипами, а сейчас вляпался в настоящую кучу дерьма? Несчастную женщину, у которой вряд ли бывает секс и есть какая-то личная жизнь? Это ты хотел сказать?

– Да.

Джек задумчиво провел языком по зубам и продолжил:

– Очень странная ситуация, да и сам добрый доктор, кажется, с приветом. Короче говоря, мутная история. Я бы даже сказал, жутковатая. А ты лучше меня разбираешься во всякой жути. Вот я и хочу, чтобы ты разнюхал, что к чему, вошел в курс дела, поговорил с Ричардом и, нащупав что-нибудь, рассказал мне. В частности, откуда у Ричарда чувство вины, которым от него разит за версту. Слушай, почти всегда я чувую, с чем имею дело. Но в этот раз я никак не могу врубиться, что к чему.

– То есть ты хочешь сказать, что это вопрос компетентности? Что ты хочешь передать эстафету более опытному игроку? Что за хрень?

– Все так. Честно. Но если уж быть совсем откровенным...

– Так я и думал.

– Веришь ли ты в промысел божий?

– Во что?

– В счастливую случайность?

– Что за бред ты несешь?

– Потрясающее совпадение. Когда Джейн Хэммонд сидела в моем скромном домашнем офисе, описывая ужасающую ситуацию, в которой оказался ее брат, и просила о помощи, – именно в тот момент раздался твой звонок.

Гурни промолчал.

– Ты, первоклассный детектив из отдела убийств департамента полиции Нью-Йорка, самый заслуженный сотрудник отдела, Дэвид Гурни, собрался отслеживать дикобраза. Ум, способный противостоять самым злостным преступникам в мире, поглощен колючим зверьком на дереве. Ты считаешь, это нормально?

Гурни снова промолчал.

– Итак, у нас есть замечательная возможность, из которой все мы можем извлечь пользу. Я с твоей помощью надеюсь рассеять мглу над этим дельцем. Джейн заручится поддержкой, столь необходимой ей для спасения брата. А ты – проверишь на прочность свои незаурядные способности.

Гурни счел этот довод весьма убедительным, однако он слишком хорошо знал Хардвика.

– Ловкий рекламный ход, Джек. Я уже почти готов провести тест-драйв. Не хватает только одной детали.

– Какой же?

– Правды. Признайся, зачем я тебе понадобился, и тогда я отвечу, возьмусь ли за это дело. После нескольких секунд абсолютной тишины Хардвик расхохотался.

– Я просто проверял тебя, Дэйви. Хотел убедиться, что есть еще порох в пороховницах. Пойми меня правильно. Все, что я говорил, – правда. Но есть еще одно обстоятельство.

Он наклонился и в знак искренности протянул руки вперед, ладонями вверх.

– Дело в том, что семь лет назад Гил Фентон сделал мне одолжение. Большое одолжение, а я тогда сильно накосячил.

Хардвик поморщился.

– Короче, Гил в курсе некоторых подробностей. Я бы и не стал волноваться – у него есть причины держать язык за зубами. Но в свете нашего возможного противостояния... Если он узнает, что это я копаю под него, что я усомнился в его подходе к делу Хэммонда...

Гурни ехидно улыбнулся.

– То есть ты хочешь, чтобы оппозицию возглавил я, а ты, оставаясь в тени, работал в свое удовольствие?

– Вряд ли он умудрится насолить тебе так, как может насолить мне.

– Почему бы просто не отказаться от дела, а Джейн отправить к другому детективу?

– Верно, – Хардвик закивал, очень неуверенно изображая согласие, – почему бы и нет. Наверное, так и надо сделать. Самый разумный выбор. И уж точно самый безопасный.

Он выдержал паузу и сказал:

– Конечно, велика вероятность, что те, к кому мы пошлем Джейн, просрут задание. И мы, возможно, никогда не узнаем, отчего клиенты Хэммонда покончили с собой.

Глава 5

Гурни услышал, как открылась боковая дверь, и в прихожей раздались голоса Мадлен и Джейн, снимавших куртки.

Когда они вошли в кухню, Мадлен, улыбаясь, стряхивала с волос снежинки, а Джейн держала в руках толстый бумажный конверт. Она подошла к столу и положила конверт перед Гурни.

– Здесь собрана довольно подробная информация. Думаю, вы разберетесь, с чем мы имеем дело. Я сделала копии всего, что сумела найти в интернете. Репортажи о самоубийствах из местных газет. Некрологи. Расшифровки телепередач. Интервью с экспертами в области гипноза.

– Кстати, поддерживают ли Ричарда в ученых кругах?

– Смешно сказать! Так называемый ученый круг кишит завистливыми неудачниками, которые возмущены успехом Ричарда и наверняка только радуются всем этим обвинениям.

Гурни, взглянув на толстый конверт, спросил:

– Запись пресс-конференции Гила Фентона тоже здесь?

– Все, до последнего лживого слова.

– Вы собрали это досье по просьбе брата?

– Не совсем. Он... он уверен, что проблема сама собой рассосется.

– А вы?

– Я не знаю... То есть, конечно, я думаю, что все разрешится. Должно разрешиться. Я в это верю. Но вы же знаете поговорку: на бога надейся, а сам не плошай.

Гурни улыбнулся.

– Ричард, видать, надеется на бога да на то, чтоб Джейн не оплошала.

Глаза Джейн гневно сверкнули.

– Не говорите так. Вы же его не знаете.

– Так помогите мне понять: почему он отказывается от адвоката? Почему вы занимаетесь его защитой?

Она холодно взглянула на Гурни, отвернулась и посмотрела в окно.

– Ричард не похож на других. Знаю, многие так говорят о тех, кого любят, но он и в самом деле уникален! И всегда был таким. Нет, Ричард не идеален. Но у него дар.

В словах ее читалось эдакое заново обретенное благоговение, будто всю жизнь она твердила одно и то же и это оберегало ее брата.

Рассматривая ее профиль, тревожные морщинки в уголках глаз, мрачную ухмылку, Гурни понял, что эта женщина живет верой в то, что история с ее братом закончится благополучно, ведь другого исхода она просто не переживет.

– Дар Ричарда – его талант психотерапевта? – тихо уточнила Мадлен.

– Да. Он потрясающий специалист! И это усугубляет кошмар ситуации. Ведь он может то, на что не способен ни один другой психотерапевт.

Мадлен мельком взглянула на Гурни, явно предлагая ему перехватить инициативу.

– А вы можете привести пример?

– У Ричарда исключительная способность практически в одночасье менять поведение людей. У него очень сильно развита эмпатия. Эта эмоциональная связь помогает ему мотивировать пациентов на самом глубинном уровне. Он способен избавить от многолетней привычки или даже зависимости всего за одну сессию! Ричард помогает изменить восприятие мира. Похоже на волшебство, но это правда так.

Гурни подумал, что если Джейн в своем рассказе о талантах брата близка к истине, то можно сделать довольно тревожные выводы. При условии, что Ричард Хэммонд с такой легкостью убеждал людей делать то, чего раньше они не могли или не хотели делать...

Вероятно, почувствовав его беспокойство, Джейн продолжила:

– Ричард использует свой дар исключительно во благо. Он бы не стал никому вредить! Никогда!

Гурни резко сменил тему:

– Джейн, все-таки я никак не пойму, почему только вы пытаетесь выручить Ричарда? У меня сложилось впечатление, что сам он почти никак не реагирует на сложившуюся ситуацию. Или я что-то упускаю?

Джейн страдальчески поморщилась и, покачивая головой, снова повернулась к окну.

– Ненавижу про это рассказывать, – заговорила она, разворачивая бумажный платочек. – Простым людям сложно это понять... все из-за его незаурядности и таланта. – Она несколько раз высморкалась и утерла платочком нос. – У Ричарда случаются приливы невероятной психической энергии и осознания сути вещей, перемежающиеся с периодами сильного переутомления. Когда он на высоте и ему лучше всего работает, само собой, ему нужна помощь с повседневными делами, на которые у него буквально не остается времени. Когда же он останавливается передохнуть, ему нужно, чтобы кто-то делал все то, на что у него попросту нет сил.

У Гурни складывалось ощущение, что Джейн Хэммонд увязла в нездоровых, созависимых отношениях с маниакально-депрессивным эгоцентриком.

Он не успел сказать ни слова, как в разговор включилась Мадлен. С понимающей улыбкой (Гурни подумал, что это наверняка один из ее типичных приемчиков на работе) она спросила:

– То есть все заботы вы берете на себя?

– Именно! – воодушевленно ответила Джейн, повернувшись к Мадлен, обрадованная, что ее наконец-то поняли. – Ричард – гений. И это самое главное. Естественно, что есть вещи, которыми он не может... не должен заниматься.

Мадлен кивнула.

– А сейчас, когда у него такие проблемы и он пребывает в стадии... в стадии переутомления, все зависит от вас, да?

– Да! Конечно! Ведь это так несправедливо, что именно Ричард, из всех людей именно он, подвергается таким испытаниям.

С мольбой она перевела взгляд с Мадлен на Хардвика и на Гурни.

– Вы что, не понимаете? Нужно что-то делать! Поэтому я здесь. Мне необходима ваша помощь!

Гурни промолчал.

Джейн тревожно перевела взгляд на Хардвика и снова на Гурни.

– Джек мне все про вас рассказал. Что на вашем счету больше всего раскрытых убийств в Нью-Йорке. И про то дело, когда вы спасли женщину, которую ложно обвиняли в убийстве. Да, вы именно тот, кто нам нужен, чтобы помочь Ричарду!

– Однако я все равно не понимаю. Вы сказали, что ваш брат отказывается нанимать...

И тут из мобильного телефона полилась какая-то веселая мелодия.

Джейн метнулась в прихожую.

– Это мой. Я забыла его в кармане куртки.

На полпути в прихожую мобильный перестал звонить.

Джейн вернулась на кухню. Она держала телефон в руке и, нахмурившись, смотрела на экран.

– Нет связи? – спросила Мадлен.

– Похоже на то.

– У нас тут трудно поймать сигнал. Но можно, если постараться.

Джейн кивнула и положила мобильный на столик возле окна.

Некоторое время она выжидающе смотрела на телефон, пока не переключила свое внимание обратно на Гурни.

– Простите, что вы говорили?

– Я говорил, что запутался. Ричард не хочет, чтобы вы нанимали адвоката, но не будет возражать против частного сыщика?

– О нет, он будет против. Ему это очень не понравится. Но это необходимо, и он не сможет меня остановить. По закону я не могу нанять адвоката, но имею право от своего имени обратиться за помощью в расследовании.

– Я все равно не до конца понимаю. Мне кажется, дело не только в том, что Ричард измотан и подавлен и не в состоянии разобраться во всем этом. Здесь что-то большее, слишком уж рьяно он отказывается от помощи.

Джейн подошла к круглому сосновому столу и села вместе со всеми.

– Не знаю, стоит ли вам это рассказывать, но другого выхода я не вижу.

Сложив руки на коленях и опустив голову, она продолжила:

– В начале своей карьеры, что было не так уж давно, Ричард опубликовал историю болезни, которая привлекла к себе всеобщее внимание. Историю мужчины, страдавшего от навязчивых страхов. Бывало, страхи полностью овладевали им, хотя в моменты просветления он понимал, что для этого нет никаких логических оснований.

Джейн замолкла и, кусая губы, нервно оглядела всех сидящих за столом.

– Как-то раз у него случилась проблема с машиной. На время трехдневной командировки он оставил ее на парковке в аэропорту Кеннеди, а когда вернулся, обнаружил, что не может открыть багажник – ключ в замке не поворачивается. Он решил, что кто-то пытался взломать багажник, но только повредил замок. Он закинул чемодан на заднее сиденье и поехал домой. Однако ночью ему в голову пришла очень странная мысль – он решил, что кто-то спрятал у него в багажнике труп. Он понимал, что это маловероятно – вряд ли убийца привез тело жертвы на парковку аэропорта и, взломав чужой багажник, переложил туда труп. Довольно нелепый способ избавиться от тела. Однако все эти доводы не помешали ему на этом заикаться. Чем больше он думал о ней, тем убедительнее казалась ему его версия. Во-первых, в районе аэропорта уже не раз находили тела жертв мафиозных разборок. А также он припомнил, как в новостях говорили про гангстерские расправы, когда трупы находили в брошенных автомобилях.

– Так это же совсем другое дело, – вырвалось у Хардвика.

– Конечно. Но подождите, это еще не все. Сам он не мог открыть багажник так, чтобы его не сломать, а к слесарю идти боялся. Боялся, что кто-то увидит то, что, возможно, лежит у него в багажнике. Эта навязчивая идея появлялась и исчезала, как времена года. Спустя пару лет, когда пришло время продавать машину, страх не просто никуда не делся, а буквально парализовал его. Он с ужасом представлял себе, как продавец машин или новый владелец открывает багажник и находит там труп или что пострашней.

Джейн запнулась, глубоко вздохнула и, уткнувшись взглядом в свои сжатые руки, замерла.

Чуть погодя Хардвик спросил:

– Ну и чем кончилось?

– В один прекрасный день, сдавая назад на парковке, он врезался в чей-то бампер – багажник открылся. Естественно, там ничего не было. Он продал машину и купил новую. На том все и кончилось. Пока не появился новый страх.

Хардвик нетерпеливо заерзал на стуле.

– Так и в чем суть этой истории?

– Суть в том, что герой истории, которую опубликовал Ричард, человек, одержимый страхами, это сам Ричард.

Сперва никто не отреагировал.

Не то чтобы они были ошарашены ее рассказом. По крайней мере Гурни с самого начала предполагал, к чему вела Джейн.

Хардвик нахмурился.

– Вы хотите сказать, что ваш брат отчасти гений психологии, а отчасти псих?

Джейн сердито взглянула на него.

– Я хочу сказать, что у Ричарда сменяются ярко выраженные состояния меланхолии и эйфории. Парадокс в том, что человек, способный помочь практически любому, совершенно бессилен в борьбе с собственными бесами. Чтобы Ричард мог помогать другим людям, я должна заботиться о нем – думаю, это и есть мое предназначение.

Гурни не терпелось спросить, как же Ричард помог тем своим четверым пациентам, которые сейчас мертвы. Но нужно было узнать кое-что поважнее.

– Возможно ли, что у него снова возникла навязчивая идея? Чем больше он участвует в расследовании, тем больше вероятность того, что найдутся какие-то улики против него?

– Думаю, так и есть. Но вы должны помнить, что его страх не имеет никаких оснований. Это очередной воображаемый труп в багажнике.

– Разве что в этот раз у нас целых четыре трупа, – заметил Хардвик, – причем настоящих.

– Я имела в виду...

Ее прервал звонок мобильного, который она оставила на столике возле окна. Она бросилась к нему, посмотрела на экран и приложила телефон к уху.

– Алло, – сказала она. – Что? Подожди, тебя не слышно. Что делает? Кто... Я не слышу ровно половину... Подожди минутку... – Она повернулась к Мадлен. – Это Ричард. Где здесь лучше всего ловит?

– Идите сюда, – Мадлен встала и показала через стеклянную дверь на улицу. – Вон там, за верандой, между яблоней и поилкой для птиц.

Мадлен открыла дверь, и Джейн, прижимая телефон к уху, вышла на заснеженную лужайку. Казалось, она не замечает холода. Мадлен, передернувшись, закрыла дверь и направилась в прихожую. Минуту спустя она уже была снаружи, около яблони, и протягивала Джейн куртку.

Хардвик плотоядно улыбнулся.

– Про багажник мне понравилось. Есть соображения, Шерлок? Думаешь, наш доктор – маниакально-депрессивный святоша с параноидальным расстройством? Или все, что она нам рассказала, – сплошная лажа?

Глава 6

Когда Мадлен вернулась, Джейн все еще стояла под яблоней и вела явно напряженный разговор по телефону.

Смерив взглядом явно взволнованную Джейн, Хардвик спросил:

– Какого черта она там торчит?

– Возможно, я ослышалась, но кажется, брат сказал Джейн, что его преследуют.

Гурни выглядел раздраженным. Он заговорил не столько с Мадлен и Хардвиком, сколько с самим собой.

– И вместо того, чтоб обратиться к адвокатам или в детективное агентство, Ричард предпочитает свалить все на сестру.

Небо затягивалось облаками. На ветру свободные брюки Джейн плотно облегли ее ноги, но она словно не чувствовала холода.

Гурни повернулся к Хардвику и спросил:

– Что она задумала?

– Если вкратце, она хочет, чтобы ты поехал на Волчье озеро и выяснил, как вышло, что те парни, побывав там, наложили на себя руки. Само собой, она хочет, чтобы причина их смерти никак не была связана с тем, что всех четверых загипнотизировал ее брат.

Гурни думал, что Мадлен откажется делать крюк и заезжать в Адирондак по дороге в Вермонт, но она молчала. Погруженная в свои мысли, она тревожно смотрела вдаль, не замечая Джейн, стоявшую на лужайке. Гурни не сразу узнал этот взгляд, который как бы между прочим отбивал всю охоту спрашивать ее о чем-либо.

– Дело в том, Джек, что завтра мы с Мэдди выезжаем в северный Вермонт, в гостиницу “Высокие сосны”. Нам бы не хотелось отменять эту поездку или переносить ее на потом.

– Как я могу вмешиваться в нечто столь важное для здоровья и счастья вашего брака!

Хардвик подмигнул Мадлен, которая все еще витала в своих мыслях.

Его шуточный тон страшно раздражал Гурни – он напоминал ему отца, который, выпивши, вел себя очень похоже.

– Братишка, я уверен, задача решится. Мысли позитивно, и выход найдется.

Гурни хотел было сказать Хардвику, чтобы тот сменил тон на менее снисходительный, но услышал, как открывается боковая дверь. В кухню вошла Джейн, все еще в куртке, с растрепанными ветром волосами. Мадлен сразу заметила, что Джейн взволнована.

– С вашим братом все в порядке?

– Он сказал, что за ним следят, что кто-то взломал его компьютер. Мне кажется, полицейские пытаются довести его до нервного срыва.

Джейн производила впечатление классического “спасителя”, беды брата словно подпитывали ее энергией. Гурни знал – парадокс подобных отношений в том, что в случае спасения “спаситель” становится ненужным. Лишь поддерживая уязвимость Ричарда, она сможет оставаться востребованной. Гурни был удивлен, насколько точно Джейн вписывалась в подобную модель отношений.

– Как вам показалось, его наблюдения обоснованы?

– Обоснованы?

– Вы говорили, что ваш брат страдает от навязчивых страхов.

– Это другое. Страхи рождаются в его воображении. А в данном случае он действительно что-то видел. Я вас умоляю, он же не шизофреник! Он не видит того, чего нет на самом деле!

– Ну конечно нет, – вмешалась Мадлен, – Дэвиду просто любопытно, как Ричард воспринимает увиденное.

Джейн взглянула на Гурни.

– Воспринимает?

– Возможно, машина, едущая за вами на шоссе, преследует вас, – объяснил он, – А может быть, она просто едет позади. Я уверен, ваш брат видит то, что видит, но мне интересна его интерпретация увиденного.

– На этот вопрос я ответить не могу. Я не так много знаю о том, что происходит. Но ведь в том-то и дело. Именно для этого мне нужны вы. Вы и Джек. Я не знаю, почему те четверо покончили с собой. Никаких предположений у меня нет. Я знаю только, что все не так, как говорят в полиции. А докапываться до правды – это то, что отлично получается у вас.

Гурни бросил взгляд на Мадлен, в надежде увидеть реакцию на просьбу Джейн, однако лицо ее было непроницаемо.

Джейн продолжила:

– Если бы вы приехали на Волчье озеро, встретились с Ричардом и задали ему правильные вопросы, я уверена, вы бы сразу разобрались, что к чему. Ведь так работают хорошие детективы, верно? А по словам Джека, вы – лучший! Поможете?

Откинувшись на спинку стула, Дэйв присмотрелся к Джейн: глаза ее сияли надеждой. Он ответил вопросом на вопрос:

– А кто сейчас занимается гостиницей?

– Остен Стекл, главный управляющий. Он там всем заведует, особенно после смерти Итана. Хотя и до. Итан всецело на него полагался.

Она немного помолчала, а затем продолжила:

– Остен жесткий парень, но к Ричарду он был очень справедлив. Он приложил столько усилий, чтобы оградить Ричарда от этих стервятников-журналистов. Как только Фентон обнаружил свои безумные обвинения, репортеры тут же начали осаду. Остен на неделю нанял охрану, нескольких репортеров арестовали за нарушение границ частной собственности и причинение беспокойства. Об этом поползли слухи, и вскоре они перестали пытаться проникнуть на территорию владений Голлов.

– Вы говорили, у Итана остался брат? Участвует ли он в бизнесе?

– Пейтон? Он просто там живет. Никакой от него пользы.

– Что с ним не так?

– Кто же его знает? В семье не без урода, как говорится.

Гурни рассеянно кивнул.

– Вы сказали, Пейтону около тридцати?

– Кажется, двадцать восемь или двадцать девять. Они с Остеном примерно одного возраста. Но с точки зрения энергии, целей и интеллекта, они словно с разных планет.

– Есть еще братья или сестры?

– В живых – никого. Итан и Пейтон были старшим и младшим братьями из пятерых детей. Трое средних погибли вместе с отцом – их частный самолет разбился во время грозы. У их матери случился нервный срыв, и два года спустя она покончила с собой. Итану тогда было двадцать один, а Пейтону лет пятнадцать. Эта трагедия лишь усугубила их непохожесть. Не помогло даже то, что Итана назначили опекуном Пейтона.

– Вы сказали, “в семье не без урода”...

– От Пейтона вечно сплошные неприятности. В детстве он врал, воровал и издевался над другими детьми. Затем началась череда неменяемых подружек, если говорить начистоту – шлюх. Отвратительный образ жизни – казино, наркотики, да всего и не перечесать.

– Он живет на Волчьем озере?

– Увы, да.

Гурни взглянул на Хардвика, ожидая его реакции, но тот сидел, уткнувшись в свой смартфон.

Джейн умоляюще поглядела на Гурни.

– Вы приедете, чтобы поговорить с Ричардом?
– Но если он отказывается от помощи, станет ли он говорить со мной?
– Вряд ли, если бы мы предупредили его заранее. Но в случае вашего приезда он не сможет отказать.

– Откуда такая уверенность?

– Он такой: еще когда он практиковал в Милл-Вэлли, неважно, насколько занят он был, – если к нему приходили пациенты без записи, он не мог им отказать. Он должен был принять каждого. Хочу добавить, на случай если у вас складывается неправильное впечатление, он не пытался втиснуть еще одного богатенького клиента, он делал это не из-за денег. Ричард никогда не думал о деньгах, только о людях.

Гурни показался весьма странным тот факт, что человек, которому наплевать на деньги, открывает частную практику в Милл-Вэлли, в Калифорнии, одном из самых богатых мест в Америке.

Словно почуяв его сомнения, Джейн продолжила:

– В прошлом крупные организации делали Ричарду выгодные предложения, очень выгодные предложения, с условием, что он будет работать исключительно с ними. Но он всегда отказывался.

– Почему?

– Для Ричарда очень важна прозрачность. Он должен знать все о той организации, которая хотела бы приобрести эксклюзивные права на его научную деятельность. Учреждения, связанные с исследованиями в области психологии, хоть и твердят о своей независимости, далеко не всегда являются таковыми. Никакие деньги в мире не заставят Ричарда работать, если цели исследования и источник финансирования не поддаются проверке на сто процентов. Вот такой он человек.

Джейн наклонилась к Гурни и спросила:

– Вы же поможете, правда?

– У нас проблема со временем. Дело в том, что мы уже давно планировали небольшое путешествие.

Его слова словно ранили ее.

– Когда?

– Послезавтра. Поэтому, увы, я ничем...

– На сколько?

– На сколько мы уедем? Дня на четыре, а то и на пять. А может, и еще задержимся...

– Но события развиваются так стремительно. Неужели нельзя...

– А оказывается, можно! – ликующе объявил Хардвик, показывая экран телефона, на котором видна была карта с проложенным маршрутом. – Фиолетовый маршрут ведет прямо-ком из вашего дома в гостиницу “Высокие сосны” в северо-восточном Вермонте. Между ними километров на триста пролегают горы Адирондак. Я нашел два пути через горы и два – в объезд. Один из маршрутов пролегает всего в тридцати километрах от заповедника Голла. Вам просто нужно выехать на день раньше, чем вы планировали и провести первую ночь в элитной гостинице на Волчьем озере.

По-детски сложив ладони в мольбе, Джейн перевела взгляд с Гурни на Мадлен.

– Вы же сможете, да? Вы же сможете заехать туда по дороге в Вермонт, правда?

Гурни не знал, как ответить, не будучи уверен в том, что думает на этот счет Мадлен.

Заметив его сомнения, Джейн решила обратиться лично к Мадлен.

– У вас будет великолепный номер, и конечно же совершенно бесплатно!

Мадлен все еще изучала карту на телефоне Хардвика.

Чуть погодя, к удивлению Гурни, Мадлен кивнула.

– Сможем.

Глава 7

Они договорились, что на следующий день Джейн Хэммонд встретит их в гостинице, и Джейн с Хардвигом уехали.

Мадлен удалилась в спальню, сказав, что хочет принять душ.

Гурни почувал, что она, по крайней мере какое-то время, будет избегать разговоров о Волчьем озере. Он не понимал почему, но знал, что, если Мадлен не готова о чем-то говорить, – разговора не получится. Вместо этого он решил изучить, что лежит в бумажном конверте, который ему оставила Джейн.

Он отправился с конвертом в кабинет и устроился за письменным столом.

Внутри были две папки, со сделанными от руки пометками. На одной было написано: “Первые сводки о четырех самоубийствах”.

Гурни открыл папку и увидел новостные сводки, опубликованные на сайтах местных газет. Было странно читать репортажи, написанные до того, как сложилась полная картина происходящего, но Гурни хотел посмотреть, как изначально были восприняты отдельные эпизоды.

Из газеты “Палм-Бич пост”, 2 октября:

Смерть мужчины в Палм-Бич – предположительно суицид

В понедельник утром тело Кристофера Хорана, двадцати шести лет, было обнаружено в кооперативной квартире на Береговом канале.

В предварительном отчете о вскрытии возможной причиной смерти указано самоубийство. Смерть наступила от чрезмерной потери крови, вызванной перерезанными артериями на запястьях. Тело было найдено уборщиком, который имел доступ в квартиру мистера Хорана.

Соседи рассказали, что мистер Хоран жил один, но у него часто бывали гости и шумные вечеринки. Информации о семье и месте работы погибшего нет. В домоуправлении отказались давать комментарии.

Из газеты “Берген рекорд”, 10 октября:

В Тинеке мужчина найден мертвым в собственном автомобиле

Тело Лео Бальзака, двадцати семи лет, управляющего табачным магазином “Счастье курильщика” на Квин-Энн-стрит, было обнаружено его соседом на автостоянке их квартирного комплекса на авеню Дегра.

Согласно полицейским данным, погибший находился на водительском кресле своего автомобиля. Вены на обоих запястьях были вскрыты. На соседнем сиденье найден нож, с помощью которого были нанесены раны. Представитель полиции заявил, что имеющиеся улики подтверждают версию о самоубийстве, но воздержался от дальнейших комментариев до получения результатов вскрытия и токсикологического анализа.

Ближайший сосед описал мистера Бальзака как “очень энергичного молодого человека, который всегда куда-то спешил – такие не кончают жизнь самоубийством”.

Из газеты “Ньюсдей”, 26 октября:

Гибель мужчины из Флорал-Парка, возлюбленная пропала

Тело Стивена Пардозы было найдено в прошедшую среду в квартире в подвальном этаже дома его родителей во Флорал-Парке, где он жил. Он был найден Арнольдом Пардозой, отцом

Стивена, который, после многочисленных неудачных попыток дозвониться до сына, вошел в квартиру, воспользовавшись запасным ключом.

Представитель полиции квалифицировал смерть как возможное самоубийство, сообщив только о ранах на запястьях погибшего и ноже, найденном на месте происшествия. Родители погибшего не согласились с версией о самоубийстве, настаивая на том, что это – лишь “предлог для того, чтобы скрыть истину”.

Пардозе было двадцать пять лет, последний год он работал садовником. Сотрудники правоохранительных органов выразили желание поговорить с возлюбленной погибшего, Анджелой Кастро, которая до недавнего времени проживала с ним, но ее местонахождение в данный момент неизвестно. Последние два дня мисс Кастро не появлялась в салоне красоты, где она работает парикмахером. Управляющий салона, Эрик, отказавшийся называть свою фамилию, сообщил, что мисс Кастро не звонила на работу, чтобы объяснить свое отсутствие.

Перед тем как перейти к статьям, освещающим смерть Итана Голла, Гурни выписал кое-какие детали, привлёкшие его внимание.

Как он уже заметил Хардвику, важно было обратить внимание на возраст погибших. Возможно, была какая-то школьная история или просто какие-то общие знакомые.

Ну и, конечно, перерезанные вены. В реальности этот способ самоубийства довольно редко оказывается действенным, несмотря на его литературность и на безумное количество молодых людей, ежегодно попадающих в больницы с самнанесенными порезами. Мужчины предпочитают стреляться и вешаться. Было бы весьма необычно, если бы даже один из этих парней перерезал себе вены. А то, что все они замыслили одно и то же, в высшей степени странно.

Теперь вопрос денег. Вполне возможно, что Кристофер Хоран из Палм-Бич мог позволить себе поездку на горный курорт за тысячу долларов в день, чтобы избавиться от привычки курить. Но работник небольшого табачного магазина? И газонокосильщик, живущий в каморке, в доме родителей? На первый взгляд они были весьма нетипичными клиентами знаменитого психотерапевта в гостинице “Волчье озеро”.

И наконец, исчезновение девушки Стивена Пардозы. Может, это ничего не значит. Но возможно, это ключ к разгадке. По опыту Гурни, люди просто так не пропадают.

Сделав несколько заметок, он взялся за самую подробную статью – про Итана Голла.

Из газеты “Олбани таймс”, 3 ноября:

Наследник состояния Голлов найден мертвым в домике в горах

В курортной гостинице “Волчье озеро”, расположенной в природном заповеднике семьи Голлов, одном из самых больших частных земельных участков в Адирондаке, в уединенном домике было обнаружено тело, предположительно Итана Голла.

В ожидании отчета о вскрытии, полиция заявила, что предварительная экспертиза невозможна ввиду состояния тела, но не исключается возможность самоубийства.

На берегу озера стоит главный гостевой дом – один из знаменитых лагерей Адирондака, три шале, несколько отдаленных домиков в близлежащем лесу и, само собой, семейный дом Голлов. Эти здания были построены в начале 1900-х оловянным магнатом Далтоном Голлом, который погиб при весьма странных обстоятельствах. Его растерзали волки на территории заповедника вскоре после того, как он увидел во сне, как на него нападают эти хищники.

Итан Голл, наследник солидного состояния, заработанного его прадедом, был основателем, президентом и главным спонсором фонда “Новая жизнь” – некоммерческой организации, помогающей бывшим заключенным получить образование и подготовиться к жизни на свободе.

Скончавшемуся было тридцать четыре года, у него остался брат Пейтон. Управляющий гостиницей и представитель семьи Остен Стекл сделал следующее заявление: “Эта неожиданная трагедия потрясла всех на Волчьем озере, и мы с трудом верим в случившееся. Мы воздержимся от дальнейших комментариев, пока не получим официальное заключение от медицинского эксперта”.

Тут же были распечатки схожих, но более коротких статей из “Берлингтон фри пресс”, “Нью-Йорк таймс” и “Вашингтон пост”.

Гурни взял со стола телефон и набрал номер Хардвика. Тот мгновенно ответил:

– Как делишки, Дэйви?

– Пара моментов. В одной из статей Остен Стекл назван представителем семьи. Не считая Пейтона, есть ли еще кто-нибудь живой в семействе Голлов?

– Никого.

– Вся семья – это Пейтон?

– Насколько известно Джейн, да. Я ее спрашивал.

– Ладно. Еще один вопрос. Что там с фондом “Новая жизнь”?

– Там, кажется, все чисто. Освободившиеся по УДО проходят переподготовку, получают образование и психологическую поддержку. Похоже, оно и правда снижает процент рецидивов преступлений. Итан основал фонд, управлял им и вложил в него немало денег.

Гурни записал, что тут нужно покопать поглубже.

– Сегодня утром ты упомянул странную смерть Далтона Голла, и в одной из статей об этом написано. Что же произошло на самом деле?

– Хрен его знает! История много лет передается из уст в уста и, возможно, обросла домыслами и легендами. Говорят, старому пройдохе приснилось, что его сожрала стая волков, а спустя несколько дней так оно и вышло. Вполне возможно, что это все выдумки.

– Интересное совпадение. Всем нашим покойничкам перед смертью тоже снились кошмары.

– Согласен. Но к чему ты ведешь?

Гурни пропустил вопрос Хардвика и спросил:

– А тебе не кажется странным, что парень, который зарабатывает на жизнь стрижкой газонов...

Хардвик закончил его мысль:

– Раскошелился на поездку в старомодную гостиницу, штука баксов за ночь? Кажется.

– А что скажешь про перерезанные вены?

В ответ Хардвик громко расхохотался:

– В том то и дело, Дэйви, я понятия не имею, что все это значит. Для того нам и нужен твой выдающийся мозг.

Гурни повесил трубку и открыл вторую папку из тех, что оставила Джейн. На ней было написано: “Пресс-конференции полиции, заявление Хэммонда, обзор СМИ”.

Первой была распечатка с сайта интернет-издания. Сверху странички рукой Джейн было написано: “Сержант Плант, Бюро криминальных расследований, пресс-конференция, 8 ноября”.

Это был первый доклад Планта и ответы на вопросы неизвестных журналистов.

Гурни решил пока что отложить эту бумагу и взглянуть на расшифровку следующей встречи с журналистами.

Эта пресс-конференция была на несколько страниц длиннее, чем первая. Впрочем, тут была прикреплена ссылка на видео – Гурни предпочитал этот формат.

Выражения лиц и интонации голоса могли рассказать куда больше, чем слова на бумаге. Гурни открыл ноутбук и перешел по ссылке.

Он ждал, пока загрузится видео, и тут в кабинет вошла Мадлен в банном халате, с мокрой после душа головой.

– Ты решил, какие возьмешь? – спросила она.

– В смысле?

– Я про снегоступы.

Он взглянул в сторону двери, где, насколько он помнил, утром она оставила снегоступы – деревянные с кожаными ремешками и пластиковые с шипами на подошвах.

– Наверное, пластиковые.

Казалось, за ее натянутой улыбкой скрывались куда менее радостные мысли.

– Что-то не так? – спросил Гурни.

Через силу она улыбнулась еще шире.

– Я подумала, может, мы проведем свет птицам?

– Свет?

– Ну да, в курятник. В это время года очень рано темнеет.

– Так ты об этом думала?

– Я подумала, что им будет приятно.

Он знал – ее беспокоит что-то еще, и ему следует проявить терпение, чтобы узнать причину ее беспокойства.

– Нужно просто провести туда провода и повесить лампочки. Можно вызвать электрика, хотя я могу и сам.

– Им понравится.

Она взяла снегоступы и вышла из комнаты.

Он же остался сидеть, уставившись в окно, раздумывая, о чем же Мадлен еще не готова поговорить. Его взгляд упал на деревья возле пастбища.

Гул множества голосов и шум передвигаемых стульев в комнате с включенным микрофоном привлек его внимание к экрану компьютера. Начиналась вторая пресс-конференция с полицией.

Гурни, прослужившему столько лет в полиции Нью-Йорка, была до боли привычна гнетущая казенная обстановка конференц-зала. Съемка, как обычно, велась с одной камеры, установленной в дальнем углу и направленной в сторону входа.

На дешевых пластиковых стульях сидели журналисты – около дюжины; судя по их затылкам, половина – мужчины, половина – женщины. Перед ними на небольшом возвышении стоял плотного телосложения мужчина. На стене позади него висела маркерная доска.

Он был невысокого роста и весьма полный. Одет как типичный сыщик лет за сорок: темные брюки, тусклая пастельная рубашка, еще более тусклый галстук и серая спортивная куртка, которая явно была ему маловата. С его темными волосами, зачесанными назад с широкого морщинистого лба, отвисшими щеками и суровым ртом он необычайно походил на Джимми Хоффу со старых снимков.

Взглянув на часы, он открыл архивную папку.

– Так, ребята, начинаем. Я – старший следователь Гилберт Фентон, из бюро криминальных расследований. В последние несколько дней дело о смерти Итана Голла серьезно продвинулось. Сейчас я зачитаю отчет.

Как только Фентон приумолк, чтобы перевернуть страницу в папке, один из журналистов подал голос:

– Вы использовали обобщающее слово – “смерть”. Вы предполагаете, это не было самоубийством?

– Я ничего не предполагаю. Я только хочу сказать, что, зная то, что знаем мы, нельзя исключать возможности того, что эта смерть не была “самоубийством” в обычном смысле этого слова. Но подождите минуту, – он поднял ладонь, как регулировщик, подающий сигнал “стоп”, – позвольте мне закончить отчет.

Он снова посмотрел в папку.

– В ходе расследования смерти Голла было установлено несколько существенных фактов. Во-первых, в недавнем прошлом погибший подвергался гипнозу со стороны доктора Ричарда Хэммонда... Во-вторых, перед смертью погибшему неоднократно снился определенный кошмар... В-третьих, оружие убийства совпадает с описанием орудия из кошмара погибшего... И наконец, содержание кошмара, которое он посчитал важным описать, полностью совпадает с тем, как все произошло во время его самоубийства. Этих фактов было бы достаточно, чтобы начать более подробное расследование. Однако теперь стало очевидно, что дело еще более масштабно.

Он перевернул страницу в папке, откашлялся и продолжил:

– Мы узнали, что еще три человека покончили с собой таким же образом, как Итан Голл, чему предшествовал аналогичный сюжет развития событий. Эти люди также были загипнотизированы Ричардом Хэммондом. У каждого из них начались мучительные кошмары, и все трое убили себя соответственно содержанию этих кошмаров.

Он закрыл папку и посмотрел на собравшихся.

– Теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Несколько человек заговорили одновременно.

Он снова поднял руку:

– По одному. Вы, в первом ряду.

Женский голос спросил:

– В чем вы обвиняете доктора Хэммонда?

– Мы не выдвигали никаких обвинений. Мы хотели бы сотрудничать с доктором Хэммондом.

Он указал на другого репортера.

Мужской голос:

– Вы переквалифицируете смерть Голла на убийство?

– Дело квалифицировано как смерть при подозрительных обстоятельствах.

Тот же мужской голос:

– Какие варианты кроме самоубийства вы рассматриваете?

– Никаких. В данный момент мы сосредоточены на том, чтобы узнать, как именно и почему было совершено самоубийство.

Женский голос:

– Что вы подразумевали, когда сказали, что, возможно, это не самоубийство “в обычном смысле” этого понятия?

– Ну, например, чисто гипотетически, очень сильное гипнотическое внушение заставило человека совершить нечто, на что сам по себе человек был бы не способен. Такой поступок не вписывается в рамки общепринятого смысла данного понятия.

Снова заговорили сразу несколько человек, соревнуясь, кто сможет громче.

Изумленный мужской голос заглушил остальных:

– То есть вы утверждаете, что, используя гипноз, Ричард Хэммонд заставил Голла, равно как и трех других пациентов, совершить самоубийство?

Раздались удивленные возгласы и скептические смешки.

Фентон поднял руку.

– Господа, давайте соблюдать приличия. Я ничего не утверждаю. Я поделился с вами одной версией. Возможно, есть и другие.

Последний вопрошатель продолжил:

– За какое преступление вы собираетесь арестовать доктора Хэммонда?

– Не будем забегать вперед. Мы надеемся на добровольное содействие доктора Хэммонда. Нам нужно знать, что именно произошло на этих сеансах гипноза, чем можно объяснить кошмарные сны его пациентов и последовавшие за ними ритуальные самоубийства.

Два женских голоса одновременно:

– Ритуальные?

Мужской голос:

– Какого рода ритуальные действия вы подразумеваете? Сатанизм?

Другой мужской голос:

– Вы можете раскрыть имена трех других жертв?

Женский голос:

– Правильно ли использовать термин “жертва”, говоря о самоубийствах?

Фентон прикрикнул:

– Успокойтесь, пожалуйста! Я считаю, в данных обстоятельствах вполне резонно использовать слово “жертва”. Были совершены четыре почти идентичных самоубийства; в каждом случае использовались орудия, совпадавшие с орудиями из сновидений, которые снились погибшим после сеансов гипноза. Очевидно, это не просто совпадение. Относительно ритуального аспекта – все орудия были весьма необычными и, по версии экспертов, скорее всего, имели какое-то значение; это все, что я могу сообщить на данный момент.

Мужской голос:

– Если ваша теория верна и погибшие оказались жертвами гипнотического внушения, приведшего к самоубийствам, по какой статье будет предъявлено обвинение? Это какая-то новая разновидность убийства?

– Мы решим это по мере продвижения расследования.

Вопросы задавали целых полчаса. Фентон не проявлял нетерпения. Наоборот, казалось, он словно подначивал журналистов – весьма необычно для флегматичного, наверняка старых взглядов сыщика, подумал Гурни.

Наконец Фентон объявил о завершении пресс-конференции.

– Так, дамы и господа, спасибо за содействие. На выходе вы можете взять копии моего отчета.

Журналисты начали отодвигать стулья, вставать, и на этом видео закончилось.

Несколько долгих минут Гурни, весьма озадаченный, просидел за письменным столом.

Затем схватил ручку и стал записывать вопросы. На половине страницы он вдруг вспомнил, что в папке, которую составила Джейн, были еще документы: заявление для прессы Ричарда Хэммонда и подборка статей, вышедших уже после конференции Фентона.

Гурни открыл папку, достал стопку распечаток с новостных сайтов и бегло их просмотрел. Не было никакой необходимости читать эти более свежие статьи. Заголовки говорили сами за себя.

“Заклинатель смерти”

“Врач убедил своих пациентов свести счеты с жизнью?”

“Полиция связывает ритуальные самоубийства с подозрительным гипнотизером”

“Сон как орудие убийства?”

Просмотрев половину распечаток, Гурни отложил их в сторону и откинулся на спинку стула. Картина произошедшего заинтриговала его, а агрессивно публичный подход Гила Фентона сбивал с толку – мало того, что тот ухватился за совершенно нелепую версию, так еще и нарушил принципы общения с прессой полиции штата Нью-Йорк.

В папке лежала последняя бумага – напечатанная на машинке страничка с длинным заголовком: *Сообщение для прессы. Заявление доктора Ричарда Хэммонда относительно расследования смертей Кристофера Хорана, Лео Бальзака, Стивена Пардозы и Итана Голла.*

С нарастающим интересом Гурни вчитывался в текст.

Представитель правоохранительных органов штата Нью-Йорк выдвинул серьезные обвинения в СМИ касательно смерти четырех человек, названных выше. Данные обвинения неприемлемы и бездоказательны.

Данное заявление будет моим первым, последним и единственным ответом. Я отказываюсь участвовать в фарсе, организованном малокомпетентными следователями полиции. Я отказываюсь взаимодействовать с ними, пока они не прекратят свою подлую клеветническую кампанию. Я также не буду общаться с представителями СМИ, которые подхватили клеветнические измышления полицейских, что доказывает их безнравственную жажду сенсации.

Иными словами, я отказываюсь принимать участие, вести дебаты и тратить свои силы на то, чтобы препятствовать этому фарсу и бульварной мыльной опере. Я не собираюсь нанимать ни адвокатов, ни пиарщиков, ни спикеров, ни каких-либо покровителей.

Я буду с вами предельно честен. Обвинения и предположения, что я каким-то образом причастен к смерти этих четырех человек, – вопиющая ложь.

Позвольте мне повториться, ведь я хочу донести до вас правду. Произошедшее с Кристофером Хораном, Лео Бальзаком, Стивеном Пардозой и Итаном Голлом – ужасно, но я не имею к этому никакого отношения. Дело заслуживает полноценного и беспристрастного расследования, а не этого циркового представления под руководством недобросовестных полицейских, подхваченного гнусными журналистами-новостниками.

Гурни удивился с какой удалью было написано заявление, особенно учитывая, что написал его тот самый человек, который когда-то буквально цепенел от страха, представляя, что в багажнике его машины лежит труп.

Глава 8

По мнению Гурни, полицейское управление Палм-Бич было идеального размера: достаточного, чтобы иметь свой следственный отдел, но и не слишком большое, что позволяло его информатору быть в курсе ключевых моментов всех текущих расследований. Что еще лучше, лейтенант Бобби Беккер был у него в долгу. Чуть меньше двух лет назад, во многом при помощи Гурни, Беккеру удалось поймать безжалостного серийного убийцу.

Беккер мгновенно ответил на звонок, в трубке раздался его мягкий тягучий южный выговор.

– Детектив Гурни! Какая неожиданность! – Последнее слово он произнес так, будто это вовсе не было неожиданностью. – Рад тебя слышать! Надеюсь, все в порядке?

– Все хорошо. А ты как?

– Грех жаловаться. Хотя я просто предпочитаю этого не делать. Жаловаться – тратить время, за которое можно устранить первопричины этих жалоб.

– Господи, Беккер, ты звучишь как настоящий пай-мальчик с Юга.

– Счастлив слышать это. В конце концов, это мой родной язык. Коренной флоридец, как-никак. Нас осталось немного, мы почти вымерли. Даже здесь, на родине, мы стали редкостью. Чем я могу тебе помочь?

Гурни замешкался на секунду, пытаясь подобрать нужные слова.

– Меня попросили разобраться в одном деле, которое, как оказалось, имеет несколько отправных точек. В том числе в Палм-Бич.

– Дай-ка угадаю. Ты небось про “дело смертоносного доктора”? Так его здесь называют, или еще – “дело об убийственных снах”.

– Именно про него. Не ты ли часом ведешь дело Хорана?

– Нет, сэр, не я. Оно досталось парнишке за соседним столом; он уж думал, все круто, ведь медэксперт подтвердил предполагаемый суицид. Ясно дело, все полетело к чертям собачьим, когда явился преподобный Бауман Кокс и сообщил нам, что это было убийство, а убийца – сам Сатана.

– Чего?

– Ты что, не знал?

– Мне говорили, что Хоран доверился местному пастору и рассказал ему про кошмары, мучившие его с той поры, как он побывал на приеме у Хэммонда на Волчьем озере. А когда Хорана нашли мертвым, пастор рассказал обо всем вам. Один из вас позвонил Хэммонду, но разговор ни к чему не привел, а через неделю сам Хэммонд перезвонил и сообщил, что с ним только что связался детектив из Нью-Джерси насчет второго самоубийства. Вот что мне рассказали, без упоминаний об убийстве, совершенном Сатаной.

– Как ты раздобыл эту информацию?

– Окольными путями.

– То есть ты не доверенное лицо старшего следователя Гилберта Фентона?

– Едва ли. Расскажи-ка мне еще про Сатану.

– Увы, не могу. Глава следственного отдела распорядился, чтобы неизвестные журналистам детали расследования не обнародовали. Я обязан держать слово, дело чести. Однако преподобный Кокс никому ничего не обещал. Его, кажется, можно найти в церкви Победы во Христе, в Коралл-Дюнс. Преподобный – человек твердых убеждений, с таким же твердым желанием ими поделиться.

– Спасибо, Бобби. Я тебе очень признателен.

– Рад помочь. Может быть, теперь ты сможешь ответить на мой вопрос? У нас тут многие головы ломают.

– Спрашивай.

– Что, черт возьми, задумал этот боров Фентон?

Вопрос этот повлек за собой долгое обсуждение необычного подхода Фентона к общению с журналистами. Беккера особенно раздражало то, как Фентон представлял себе полномочия пресс-секретаря полиции и как рисовался перед журналистами. Что и привело к тому, что следователи других округов потеряли контроль над информационным потоком и оказались в дурацком положении перед местными репортерами.

Беккер считал версию, продвигаемую Фентоном, абсолютно бездоказательной и недостаточной для возбуждения уголовного дела. Гурни же вернулся к вопросу, который волновал его куда больше, чем поведение Фентона: кто в Бюро криминальных расследований или где-то еще в структуре полиции штата Нью-Йорк одобрил подход Фентона? И почему?

Кто-то выше по званию явно приложил свою руку. Фентон, в конце концов, выглядел как типичный коп-карьерист. Этот угрюмый, собирающийся в отставку полицейский вряд ли стал бы нарушать субординацию.

Чья же это игра?

И какова награда для победителя?

Пока что у Гурни и Беккера были одни лишь вопросы. Ободряло то, что их волновало одно и то же.

Беккер завершил разговор запоздалым замечанием про преподобного Кокса.

– Перед твоим знакомством с любезным служителем веры хочу предупредить тебя, что он страшно похож на уродливую хищную птицу.

Позвонив по номеру с сайта церкви Победы во Христе в Коралл-Дюнс, Гурни столкнулся с чередой автоответчиков, но в конечном итоге был перенаправлен на голосовую почту самого Баумана Кокса.

Назвав свое имя и номер мобильного, он представился одним из детективов, расследующих дело о самоубийствах, и высказал надежду, что преподобный сможет рассказать больше о душевном состоянии Кристофера Хорана, а возможно, даже поделиться своей версией произошедшего.

Прошло меньше пяти минут, как ему перезвонили. Голос звонившего был по-южному густой, как сироп.

– Детектив Гурни, говорит Бауман Кокс. Я только что получил ваше сообщение. Судя по телефонному коду, вы находитесь на севере штата Нью-Йорк. Так?

– Да, сэр. Спасибо, что перезвонили.

– Я верю, ничего не происходит просто так. Я получил ваше сообщение почти сразу, как вы его оставили, поскольку собирался уйти из своего номера, и перед выходом решил проверить автоответчик. И как же вы думаете, где находится мой номер?

– Даже не представляю.

– Вы наверняка даже не догадываетесь. Во чреве чудовища.

– Простите, сэр?

– Во чреве чудовища – в Нью-Йорке. Мы здесь, чтобы защитить праздник Рождества от тех, кому ненавистна даже мысль о Рождестве, кто против самого существования праздника.

– Ясно.

– Вы христианин, сэр?

Обычно Гурни на подобные вопросы не отвечал. Но в данном случае ситуация была необычной.

– Да.

Он решил не уточнять, что, скорее всего, его понимание христианства так же далеко от понимания Баумана Кокса, как Уолнат-Кроссинг от Коралл-Дюнс.

- Это хорошо. Итак, чем я могу вам помочь?
- Я хотел бы поговорить с вами о Кристофере Хоране.
- И о его кошмарах?
- Да.
- И о том, что послужило причиной всех этих смертей?
- Да.
- Где именно вы находитесь сейчас, в момент нашего разговора, детектив?
- У себя дома, в Уолнат-Кроссинг на севере штата Нью-Йорк.

На несколько секунд Кокс замолчал. Гурни слышал в трубке лишь легкое постукивание пальцами по клавиатуре. Он ждал.

– Ах, вот вы где. Удобная штука – эти современные карты. Ну что ж, у меня к вам есть предложение. Мне кажется, это не телефонный разговор. Почему бы нам с вами не встретиться, так сказать, с глазу на глаз?

– Когда и где?

Последовала очередная пауза, более длинная и все с тем же постукиванием по клавиатуре.

– Как мне кажется, Мидлтаун находится ровно между нами. На трассе 17 есть закусочная “На полпути”. Я чувствую, Господь указывает нам дорогу. Что скажете – послушаем его?

Гурни взглянул на экран мобильного. 12.13 дня. Если успеть в закусочную к 1.45 и час провести с Коксом, получится быть дома к 4.15. Стало быть, останется еще куча времени, чтобы разрешить все недомолвки, касающиеся отъезда в Адирондак следующим утром.

– Договорились, сэр. До встречи там в час сорок пять.

Глава 9

Путь через Катскильские горы в Мидлтаун был хорошо знаком Гурни и прошел без происшествий. Так же хорошо ему была знакома просторная парковка закусочной “На полпути”. Они с Мадлен не раз останавливались здесь выпить кофе в тот год, когда присматривали загородный дом.

В закусочной было много свободных столиков. Пока Гурни осматривал помещение, к нему подошла официантка с меню и чересчур напомаженной улыбкой.

– Кажется, я вижу того, кто мне нужен, – сказал Гурни, глядя на мужчину, который с важным видом сидел на одном из четырех стульев за угловым столиком.

Официантка пожала плечами, вручила ему меню и ушла.

Когда Гурни подошел к столику, мужчина поднялся ему навстречу. Он был очень высокий, под два метра. Одной рукой энергично тряс руку Гурни, другую он поднял, показывая айпад.

– Я навел справки, детектив, и должен сказать – я чрезвычайно впечатлен.

Он широко улыбнулся, продемонстрировав ряд дорогостоящих зубов.

На экране планшета Гурни краем глаза заметил свое старое фото рядом со словом “Суперкоп” – кричащим заголовком статьи, вышедшей в журнале “Нью-Йорк” несколько лет назад и описывающей череду арестов и приговоров. Согласно каким-то подсчетам он оказался самым успешным следователем отдела убийств в истории полицейского управления Нью-Йорка. Сам он стеснялся этой статьи, хотя, бывало, она приносила пользу, и кажется, это был как раз такой случай.

Гурни прикинул, что преподобному лет шестьдесят, но он делает все возможное, чтобы выглядеть на сорок.

– Познакомиться с вами – честь для меня, детектив. Пожалуйста, садитесь.

Они уселись друг напротив друга. К ним подошла устало улыбающаяся официантка.

– Господа, вы уже решили, что будете заказывать, или вам нужно еще время?

– Дайте мне еще пару минут на то, чтобы познакомиться с этим удивительным человеком, и мы будем готовы заказать. Вы одобряете мой план, Дэвид? Вы не против, если я буду называть вас Дэвид?

– Я не против.

На преподобном Баумане Коксе был темно-синий тренировочный костюм и часы “ролекс” из нержавеющей стали – Гурни видел где-то рекламу этой модели за 12 тысяч долларов. У Кокса была загорелая кожа желтоватого оттенка, неестественно упругая, совсем без морщин, и шевелюра искусственного коричневого цвета без единого седого волоса. Хищный ястребиный нос и воинственный блеск в глазах плохо вязались с широченной улыбкой.

Когда официантка ушла, он наклонился к Гурни.

– Благодарю Господа нашего за возможность поделиться размышлениями о том, за чем, как я убедился, стоит немыслимое зло. Позвольте спросить, насколько вы продвинулись в расследовании этого дела?

– Дело в том, преподобный...

– Дэвид, пожалуйста, оставим формальности. Зовите меня Бауман.

– Хорошо, Бауман. На мой взгляд, проблема в том, что в связи с географией самоубийств, делом занимаются сразу в нескольких округах. У детектива Гилберта Фентона, в районе Адирондак, кажется, есть более подробная информация.

Гурни пытался найти подсказки на лице преподобного – как к нему подступиться, чтобы максимально разговорить его.

Он продолжил, немного сменив лексикон:

– Однако меня интересует именно зловещий характер событий, присутствие неких мистических сил.

– Вот и я о том же!

– Взять хотя бы эти кошмары.

– Точно!

– Вот про это я и хотел у вас узнать, Бауман. Из-за того, что расследование ведется разрозненно, я знаю про кошмары, но не знаю их содержания. Обмен информацией между управлениями оставляет желать лучшего.

Кокс вытаращил глаза.

– Но ведь кошмары – ключ к разгадке! Я же им с самого начала сказал. Я же сказал, что ответ в кошмарах! У них есть глаза, но они отказываются видеть.

– Может быть, вы мне объясните?

– Конечно.

Он снова наклонился вперед и лихорадочно заговорил. Его идеальные зубы и натянутая путем хирургического вмешательства кожа лица создавали впечатление, что перед Гурни сидит манекен.

– Известна ли вам, Дэвид, феноменальная способность некоторых людей повторять музыкальный пассаж нота в ноту, лишь единожды услышав его? Так вот, у меня есть похожая способность запоминать услышанный текст, особенно если это имеет отношение к слову Божию и людскому. Вы понимаете к чему это я?

– Не уверен.

Кокс наклонился еще ближе, впившись змеиными глазами в глаза Гурни.

– В вопросах добра и зла то, что я слышу, врезается мне в память, нота в ноту, так сказать. Я расцениваю это как дар. Так что, когда я говорю, что сейчас повторю рассказ Кристофера Хорана о его кошмаре, я именно это имею в виду. Его рассказ. Нота в ноту. Слово в слово.

– Вы не возражаете, если я запишу вас на диктофон?

В глазах Кокса мелькнуло что-то, но исчезло так быстро, что Гурни не успел это растолковать.

– В полиции меня очень просили не распространяться об этом среди журналистов и прихожан. Однако вы, детектив, разумеется, не относитесь ни к тем, ни к другим.

Гурни достал мобильный, включил аудиозапись и положил телефон на стол. Несколько секунд Кокс не сводил с него глаз, словно взвешивая все за и против. Затем, еле заметно кивнув (жестом игрока в блэкджек, решившего продолжать), он закрыл глаза и заговорил. Его голос стал более резким – по всей видимости, он подражал манере речи Кристофера Хорана.

– Я лежу в кровати. Начинаю засыпать. Но мне нехорошо. Нет этого легкого, расслабляющего чувства засыпания. Частично я в сознании, но не могу пошевелиться, не могу говорить. Я чувствую, что кто-то или что-то находится в комнате со мной. Я слышу глубокое прерывистое дыхание – словно звериное. Как будто тихое рычание. Я никого не вижу, но оно приближается. Заползает на меня. И прижимает меня к кровати. Я хочу закричать, но не могу. Вижу горящие красные глаза. Потом зубы зверя, острые клыки. – Кокс сам оскалил свои блестящие зубы. – С клыков капает слюна. Теперь я знаю, это волк, огромный волк, размером с человека. Его пылающие красные глаза совсем близко. Слюна с клыков капает мне в рот. Я хочу закричать, но не могу издать ни звука. Волчье туловище нависает над мной, удлиняется, растягивается в форме кинжала. Я чувствую, как кинжал входит в меня, обжигает и пронзает меня, вновь и вновь. Я весь в крови. Волчье рычание превращается в человеческий голос. Я вижу, что у волка человеческие руки. Теперь я знаю, что это человек, но я вижу лишь его руки. В одной руке он держит кинжал с рукоятью в виде серебряной головы волка с красными глазами. В другой руке у него разноцветные таблетки. Он говорит: “Приподнимись и выпей их. Нечего бояться, нечего вспоминать”. Я просыпаюсь в поту и ознобе. Все тело ломит. Я сажусь на краю

кровати, я слишком измотан, чтобы встать. Я наклоняюсь, и меня начинает тошнить. Вот и все. Вот что со мной происходит. Каждую ночь. От одной мысли о том, что это повторится, мне хочется умереть.

Кокс открыл глаза, откинулся на спинку стула и загадочно оглядел комнату – словно он только что послужил проводником для духа умершего, а не просто повторял по памяти рассказ другого человека.

– Ну вот, Дэвид, теперь вы знаете, что мне поведал этот несчастный молодой человек накануне своей гибели. – Он замолчал, явно ожидая реакции Гурни, которой не последовало. – Разве вас не шокирует то, что испытал Кристофер?

– Разумеется, все это очень странно. Но скажите, помимо сна, что еще вам про него известно?

Кокс удивился.

– Простите, Дэвид, но ведь очевидно, что сон Кристофера – именно то, на чем нам следует сосредоточиться. Его смерть была предначертана во сне. Во сне, благодаря которому мы и вывели на чистую воду этого дьявола Хэммонда. *И сказал Господь, посмотри на сущность, что явилась тебе в деле этом. Сущность зла пред глазами твоими.*

– Когда вы называете доктора Хэммонда дьяволом...

– Я не просто так использую этот термин. Я знаю все про “доктора” Хэммонда, с его степенью по психологии Лиги плюща.

Гурни не до конца понимал, была ли неприязнь Кокса к Хэммонду просто результатом культурных войн или тут было что-то большее. Но сперва ему нужно было узнать кое-что другое.

– Вы знали Хорана до вашего с ним разговора про сны?

Кокс нетерпеливо покачал головой:

– Нет, не знал.

– Вы служите в Коралл-Дюнс?

– Да, но наша радиопередача и просветительская деятельность в интернете не имеют границ.

– Коралл-Дюнс находится где-то в часе езды от Палм-Бич, так?

– К чему вы ведете?

– Мне интересно, зачем...

– Зачем Кристоферу понадобилось ехать в Коралл-Дюнс, чтобы облегчить свою истерзанную душу? А вам не пришло в голову самое простое объяснение – что Господь привел его ко мне? – Рот его растянулся в блаженной улыбке, обнажая ряд идеальных белых зубов.

– Может быть, у вас есть другое объяснение?

– Возможно, он услышал одну из наших онлайн-проповедей. Миссия нашего прихода – сражаться на стороне Господа в войне, охватившей наш мир.

– Войне с?..

Кокс от удивления округлил глаза.

– Развязана война против установленного Богом порядка вещей. Война против истинной природы мужского и женского начал, основ брака и семьи. Война с дьявольским коварством сатанинской армии гомосексуалов.

– Вы хотите сказать, что Кристофер Хоран приехал в Коралл-Дюнс рассказать именно вам про свой сон из-за вашего отношения к однополым бракам?

Кокс уставился на Гурни; в глазах его сверкала то ли ярость, то ли неистовое возбуждение. Было в этих глазах что-то еще: не отблеск ли фанатичной веры в полнейшую ерунду.

Он заговорил, повысив голос:

– Я хочу сказать, что он приехал ко мне, потому что оказался загипнотизирован, духовно осквернен, а вскоре и убит доктором Ричардом Хэммондом. Специалистом по распаду и унижению.

Через пятнадцать минут, наслушавшись Баумана Кокса, Гурни, не имея ни малейшего желания обедать, покинул закусочную. Вопросов стало еще больше. Каково прошлое Ричарда Хэммонда, до какой степени честна и откровенна Джейн, насколько важным был столь содержательный сон Хорана, и почему Кокс так люто ненавидел Хэммонда.

Едучи домой, большую часть пути по трассе 17 Гурни перебирал в уме когда, кому и зачем он собирался позвонить: Хардвику, Джейн, а также Ребекке Холденфилд – блестящему психологу-криминалисту. Их связывало непростое прошлое, в котором было многое – конфликты, влечение и взаимопомощь.

Перед тем как звонить, он решил скинуть им на почту копии аудиофайла. Он и сам хотел послушать запись – не тот фрагмент про сон, который он отлично помнил, а отрывок их разговора с Коксом, последовавший за обвинением Хэммонда в убийстве. Он хотел убедиться, что хорошо помнит эту беседу, перед тем как обсуждать ее, особенно с Ребеккой.

Съехав на обочину, он отправил имейлы Хардвику и Джейн – с короткими комментариями, и Ребекке – с более подробным объяснением. Затем он открыл аудиофайл из закусочной, промотал до того места, откуда хотел начать и нажал кнопку воспроизведения.

Внимательно вслушиваясь в каждое слово Кокса, он выехал обратно на шоссе и направился в сторону гряды холмов.

Кокс: Я хочу сказать, что он приехал ко мне, потому что оказался загипнотизирован, духовно осквернен и почти что убит доктором Ричардом Хэммондом. Специалистом по распаду и унижению.

Гурни: Это он сам вам сказал? Он думал, что его убьют?

Кокс: Он поведал мне о своем кошмаре, и в нем я увидел то, о чем он сам не смог мне рассказать.

(Недолгая пауза.)

Гурни: Вы убеждены, что Хэммонд убил Хорана?

Кокс: Я в этом уверен.

Гурни: Позвольте уточнить, правильно ли я уловил последовательность событий. Вы говорите, что Хэммонд, под предлогом терапевтической сессии, которая якобы должна была помочь Хорану бросить курить, загипнотизировал его. А что произошло неделю спустя? Доктор Хэммонд прилетел в Палм-Бич, загипнотизировал Хорана в его квартире, перерезал ему запястные артерии и, когда тот умер от кровопотери, замаскировал все под самоубийство. Вы это имели в виду?

Кокс: Я слышу в ваших словах иронию, сэр.

Гурни: Я просто пытаюсь понять ваше видение ситуации.

Кокс: Я вижу причастность Сатаны и сил зла – той сущности, которую вы, кажется, не способны постичь.

Гурни: Я готов мыслить шире. Просто объясните мне: что, как вы считаете, Ричард Хэммонд сделал с Кристофером Хораном? Мне нужны детали, логистика преступления. Вы считаете Хэммонд сам приезжал во Флориду, чтобы убить его?

Кокс: Нет, сэр, все было не совсем так. Это не то преступление, которое мог бы совершить каждый, это нечто куда страшнее пороков рода людского. Намного страшнее.

Гурни: Я не понимаю.

Кокс: Хэммонду не понадобилось прибегать к физическим действиям.

Гурни: То есть Хэммонд никого не убивал? Я вас не понимаю.

Кокс: Мы имеем дело с силами зла, сэр.

Гурни: Что именно это значит?

Кокс: Что вы знаете о прошлом Хэммонда?

Гурни: Не так уж много. Я знаю, что он был знаменит в научных кругах и помог многим людям бросить курить.

Кокс (*резкий, невеселый смех*): Цели Хэммонда не имеют никакого отношения к курению. Все это лишь для отвода глаз. Вы изучите его прошлое – его книги, статьи. Вам не понадобится много времени, чтобы понять, каковы его истинные намерения, его изначальный замысел так же очевиден, как адское пламя в глазах того волка. Его цель – извращать души людей и порождать гомосексуалов.

Гурни: Порождать гомосексуалов? Как же он это делает?

Кокс: Как? Есть только один способ. С помощью дьявола.

Гурни: И как же дьявол ему помогает?

Кокс: Ответ на этот вопрос есть только у Хэммонда и у самого Сатаны. Но я считаю, что этот человек продал душу, получив взамен способность управлять другими: проникать в их сознание, искажать их мысли, показывать им извращенные сны. Сны, что одних приводят к развратному образу жизни, а других, не способных пережить проклятия, – к самоубийству.

Гурни: То есть, когда вы утверждаете, что Хэммонд “убил” Хорана, вы имеете в виду...

Кокс: Что он убил его самым жутким образом, который только можно себе представить, – внедрив в его сознание извращенный кошмарный сон, который тот не смог пережить. Кошмар, который заставил его покончить с собой. Подумайте, детектив. Заставить человека убить самого себя – что может быть ужаснее и коварнее?

Гурни выключил аудиозапись и свернул с трассы на дорогу, ведущую в Уолнат-Кроссинг через холмы и долины.

Прослушивание записи не принесло никакого результата, а только закрепило в памяти слова Кокса. Его бредовая теория не проливала никакого света на случившееся.

Действительно ли Кокс такой идиот, каким кажется?

А что, если эта гомофобная тирада просто спектакль? Но для чего?

Несмотря на объяснения Кокса визита Хорана к нему, Гурни не давал покоя вопрос, зачем же этот бедолага поехал именно в далекий Коралл-Дюнс.

Глава 10

Доехав до западного берега водохранилища Пепактон, Гурни свернул на посыпанную гравием разворотную площадку. Сотовая связь в этих краях была так себе, но в этом месте его телефон всегда работал.

Он надеялся отыскать какое-то связующее звено в столь противоречивых рассказах Гилберта Фентона, Баумана Кокса и Джейн Хэммонд.

Сначала он позвонил Джейн.

– У меня вопрос. Ричард когда-нибудь консультировал по вопросам сексуальной ориентации?

Джейн замешкалась.

– Да, немного, в самом начале карьеры. А что?

– Только что я говорил с пастором, который знал одного из самоубийц. Он рассказал, что ваш брат проводил терапию, направленную на изменение сексуальной ориентации человека.

– Что за бред! Ничего такого он не делал. – Она замолчала, как будто больше ей нечего было сказать.

Гурни ждал.

Она вздохнула.

– В начале карьеры Ричард действительно принимал пациентов, испытывавших терзающие чувства по поводу своей гомосексуальности и боявшихся рассказать об этом родным. Он помогал им принять и полюбить себя. Вот и все.

– Это точно все?

– Да. Хотя... Был один инцидент: группа пасторов-фундаменталистов начала целую кампанию против Ричарда, он получал письма с угрозами и оскорблениями. Но это было почти десять лет назад. Какое это имеет значение сейчас?

– У некоторых людей хорошая память.

– Некоторые люди просто мракобесы, которым необходимо кого-нибудь ненавидеть.

Гурни не мог не согласиться. С другой стороны, слишком рано было списывать со счетов демоническую версию Кокса как простое мракобесие.

Позвонив Хардвику, Гурни попал на автоответчик. Он оставил ему сообщение с предложением проверить имейл и послушать приложенную к нему аудиозапись. А также попросил, если получится, выйти на след пропавшей девушки Стивена Пардозы.

Затем он позвонил Ребекке Холденфилд. Она взяла трубку после третьего гудка.

– Привет, Дэвид, давно тебя не слышала. Чем могу быть полезна? – Даже по телефону ее голос излучал еле уловимую сексуальность, одновременно манившую и настораживавшую его.

– Расскажи мне про Ричарда Хэммонда.

– Ричарда Хэммонда, который в эпицентре урагана?

– Именно.

– Незаурядный ум. Меланхолик. Новатор. Использует самые современные техники. Тебя что-то определенное интересует?

– Что ты знаешь про ураган?

– Да как все, кто слушает новости по дороге на работу. За один месяц – четыре пациента, покончивших с собой.

– Ты слышала версию полиции, что суициды якобы спровоцированы гипнотическим внушением?

– Да, слышала.

– Думаешь, это возможно?

У нее вырвался иронический смешок.

– Хэммонд, конечно, исключительно талантлив, но всему есть границы.

– Расскажи-ка мне про границы.

– Гипноз не способен принудить человека сделать нечто, противоречащее его базовым ценностям.

– То есть склонить к самоубийству с помощью гипноза абсолютно невозможно?

Она задумалась.

– Небрежный и некомпетентный гипнотерапевт может подтолкнуть суицидально настроенного человека. Но не может зародить жажду смерти в человеке, который хочет жить. Ничего подобного никогда не было зафиксировано.

Настал черед Гурни призадуматься.

– Все говорят, Хэммонд настоящий уникум в своей области. Вот и ты сказала, что он использует продвинутые техники. Что это значит?

– Он выходит за рамки. Я видела аннотацию к статье, представленной на конференции Американской ассоциации психиатров, – в ней он сопоставляет нейропсихологию и мотивационную гипнотерапию. Он утверждает, что интенсивная гипнотерапия создает новые нейронные связи, благоприятствующие формированию новой манеры поведения.

Гурни промолчал. Он ждал, заметит ли она, как противоречит своему же утверждению о пределах гипнотерапии.

– Не пойми меня превратно, – добавила она быстро. – Нет никаких доказательств того, что даже самый интенсивный гипноз может обратить стремление жить в желание умереть. Кстати говоря, важен еще один момент – на что способен тот или иной человек.

Гурни ждал, что Ребекка скажет дальше.

– Дело в характере. В характере и в личных качествах. Из того, что я видела и слышала, я бы сказала, что, с точки зрения темперамента и морали, Ричард вряд ли способен срежиссировать подобное. Он – вечный вундеркинд, невротик, может быть, чересчур измученный гений. Но он не чудовище.

– Кстати, ты видела мой имейл?

– Нет, если ты отправил его в последние час-полтора. Совсем не было времени проверить почту. А что там?

– Я только что встречался с проповедником из Флориды, который уверен, что Хэммонд самое настоящее чудовище. Я отправил тебе аудиозапись нашего с ним разговора.

– Звучит дико. Прямо сейчас не смогу послушать, меня ждет клиент. Но я обязательно послушаю позже... и перезвоню тебе. Хорошо?

В ее голосе прозвучала нотка недосказанности. Гурни снова выжидающе промолчал.

– Знаешь, – заговорила она, – чисто теоретически, если бы кто-нибудь понял, как это сделать...

– Ты имеешь в виду – заставить человека покончить с собой?

– Да. Если бы кто-нибудь действительно мог...

Казалось, от одной мысли о возможных последствиях она не знала, что и сказать.

Гурни задумчиво глядел в сторону водохранилища. В голове у него крутилась незаконченная фраза Ребекки Холденфилд, и он все больше и больше убеждался в том, что услышал в ее голосе некоторый ужас.

Он поглядел на часы на приборной доске. Было 3.23. В тенистую горную долину уже опускался закат – приближался день зимнего солнцестояния.

Мысли Гурни переключились на всплывавшие в его воображении картины. Знакомые, но тревожные образы. Они то и дело возникали у него в голове с тех пор, как он впервые увидел их во сне. Этот сон приснился ему вскоре после того, как они с Мадлен переехали

в Западные Катскиллы и узнали про старые фермерские поселения, которые уничтожили и затопили водой, чтобы создать водохранилище.

Из-за потребности Нью-Йорка в воде сельских жителей принудительно лишили собственности. Все дома, амбары, церкви, школы, магазины – все было сожжено дотла; обугленные бревна и каменные фундаменты бульдозерами сносили с землей, все останки, захороненные на местных кладбищах, эксгумировали. Словно никогда это место не было обитаемо, словно не было деревень, простоявших там больше века. Теперь здесь было лишь огромное водохранилище, а утрамбованные бульдозерами следы людей давно уже поглотило илистое дно.

Эти рассказы явно повлияли на Гурни, но не они явились ему во сне. Ему казалось, что он стоит в мутной сине-зеленой пучине водохранилища, в полной тишине. Вокруг него – заброшенные дома без окон и дверей. Необъяснимым образом среди затопленных фермерских построек оказывается многоквартирный дом в Бронксе, где он вырос. Тоже пугающе пустой. Вместо окон на мрачном кирпичном фасаде зияют квадратные дыры, в этих проемах угревидные твари извиваются. В темноте затаились ядовитые морские змеи, выжидающие, когда же жертва решится заглянуть внутрь. Медленное ледяное течение подталкивает его сзади все ближе и ближе к угрюмым стенам с их жуткими внутренностями.

Образы эти были настолько реалистичны, что Гурни брезгливо поморщился. Он потряс головой, сделал глубокий вдох, завел машину, выехал обратно на проселочную дорогу и двинулся в сторону дома, пообещав себе больше никогда не заикливаться на этом сне.

Оставшиеся двадцать километров от водохранилища до Уолнат-Кроссинга пролегли через холмы и лощины, и его телефон не работал. Но как только он свернул на узкую дорогу, ведущую к их дому, телефон зазвонил – он въехал в зону покрытия Уолнат-Кроссинга.

Звонила Джейн Хэммонд.

– Вы уже слышали? – В голосе ее звучали нотки гнева.

– Слышал что?

– Последнее выступление Фентона.

– Что произошло?

– Он все больше усложняет ситуацию.

– Что он сделал?

– Он заявил, что Ричард – его “главный подозреваемый” во всех четырех, как он выразился, случаях “преднамеренного убийства”.

– “Преднамеренного убийства”? Он так и сказал?

– Да. И когда журналист спросил его, значит ли это, что Ричарда арестуют и предъявят обвинения в убийстве первой степени, Фентон не отрицал этого.

– А что он сказал?

– Что такой вариант рассматривается и что расследование продолжается.

– Приводил ли он новые доказательства, подтолкнувшие его к таким выводам?

– Все тот же бред сивой кобылы. Отказ Ричарда сотрудничать со следствием. Конечно, он отказался! Кто же сотрудничает с толпой линчевателей!

– Едва ли это новые доказательства. Что-нибудь еще было упомянуто?

– Всякая чушь по поводу снов. Теперь он говорит, что всем четверым погибшим снился один и тот же сон. Это уже какой-то полный бред.

Гурни съехал на обочину. Странно, когда одному человеку каждую ночь снится один и тот же сон. Но один и тот же сон у четверых – это уж слишком!

– Вы уверены, что вы правильно поняли его?

– О да, я все правильно поняла. Он сказал, что каждый из них предоставил подробное описание своих кошмаров. Хоран рассказал пастору. Бальзак – психотерапевту. Пардоза рассказал своему хиропрактику. А Итан описал кошмар в каком-то письме. Фентон говорит, что по сути все описания аналогичны.

– И что он хочет этим сказать?

– Якобы тот факт, что всем им приснились одинаковые сны после гипноза Ричарда, свидетельствует, что это его рук дело. Причем не только сны, но и самоубийства. А еще он сказал “четыре самоубийства, о которых нам известно на данный момент”, будто Ричард может оказаться серийным убийцей.

– Но официально Фентон не предъявлял Ричарду никаких обвинений?

– Официально? Нет. Оклеветал ли он его? Да. Испортил ему репутацию? Да. Разрушил карьеру? Да. Всю его жизнь вывернул наизнанку? Да.

Еще какое-то время она тараторила, давая волю злости и отчаянию. Хотя обычно при проявлении таких бурных эмоций Гурни и чувствовал себя не в своей тарелке, ему была понятна ее реакция на происходящее, с каждым новым витком становившееся все загадочней.

Один и тот же сон снится четверым?

Как такое возможно?

Он снова нажал на газ, проехал мимо амбара, мимо пруда, по дороге через пастбище. Припарковавшись у дома, он заметил краснохвостого сарыча. Тот кружил над полем, между амбаром и домом. Кажется, нацеливался он на небольшой загон, пристроенный к курятнику. Гурни вылез из машины и стал смотреть, как хищник сделал еще один медленный круг и, изменив курс полета, вскоре скрылся из виду над кленовой рощей, граничащей с пастбищем.

Он вошел в дом и позвал Мадлен, но та не отозвалась. Было всего четыре часа. Гурни был доволен, что приехал ровно как обещал, но разочарован, что Мадлен не оценит этот редкий случай его пунктуальности.

Где же она?

На работе, в психиатрической клинике, у нее был сегодня выходной. Машина ее стояла на своем обычном месте около дома, так что она не могла уйти далеко. Было холодно и смеркалось, вряд ли она пошла гулять вдоль сине-серых гор по одной из троп, ведущих к старой каменоломне. Ее бы остановил не холод, а надвигающаяся темнота.

Гурни позвонил ей на мобильный и вздрогнул, услышав звонок метрах в полутора от своего локтя – телефон лежал на комоде, выполняя функцию пресс-папье для нераспечатанных писем.

Он вошел в кабинет в надежде на то, что она оставила на столе записку.

Записки не было.

На автоответчике мигала лампочка. Он нажал кнопку “прослушать”.

“Здравствуй, Дэвид. Ребекка Холденфилд. Я прослушала запись твоего разговора с Коксом. Станный разговор – это мягко сказано. У меня есть вопросы. Мы можем встретиться? Может на полпути между Уолнат-Кроссингом и моим офисом в Олбани? Жду твоего звонка”.

Гурни перезвонил ей и, вновь попав на автоответчик, оставил сообщение.

“Привет, Ребекка. Дэйв Гурни. Встретиться будет сложно. Завтра утром я выезжаю в Адирондак – увидеть Хэммонда, если получится. А на следующий день еду в Северный Вермонт – прогулки на снегоступах и все такое. Вернусь самое раннее дней через пять-шесть. Однако мне интересно, что ты думаешь про этот сон. Кстати говоря, главный следователь БКР только что рассказал журналистам невероятную подробность про сны. Проверь обновления в интернете и перезвони мне, как сможешь. Спасибо”.

Как только он закончил разговор, телефон снова зазвонил у него в руке. Это был Хардвик, который уже начал говорить, когда Гурни только поднес трубку к уху.

– ...за хрень происходит?

– Отличный вопрос, Джек.

– Кокс и Фентон что, соревнуются за звание главного психа на планете?

– Ты послушал запись, как Кокс пересказывает сон Хорана?

– Ага. Сон, который, как заверяет Фентон, снился всем жертвам.

– С трудом верится?

– В собачью чушь такого масштаба верится с трудом.

– Мы с тобой, Джек, оказались в очень неудобном положении – нам придется либо принять то, что существует некий заговор и Фентон лжет с разрешения начальства БКР, либо поверить, что четыре человека увидели один и тот же сон и он довел их до самоубийства.

– Ты же не думаешь, что это возможно?

– Все, что я слышу об этом деле, кажется совершенно невозможным.

– Что будем делать?

– Нам нужно искать возможные связи. Места, где могли пересекаться дорожки наших жертв. Проверить, не были ли они в прошлом знакомы с Ричардом Хэммондом. Или с Джейн. Или с Пейтоном Голлом, который, по словам Джейн, ровесник трех жертв, что важно.

– Работа не из легких, но я берусь.

Закончив разговор, Гурни несколько минут простоял у окна в кабинете, пока темнеющее закатное небо не напомнило ему о Мадлен. Он подумал, что пора идти искать ее, пока совсем не стемнело. Но где начать поиски? Это так непохоже на нее...

– Я была у пруда.

Он подскочил от неожиданности – так тихо она вошла в дом и оказалась у двери кабинета. Когда-то Гурни приводила в замешательство ее необъяснимая способность отвечать на вопросы, которые он задавал мысленно, но теперь он уже привык к этому феномену.

– У пруда? Не слишком ли промозглый для этого вечеров?

– Да нет. Приятно подышать свежим воздухом. Ты видел ястреба?

– Да. Думаешь, надо с этим что-то делать?

– Кроме того, как восхищаться его красотой?

Он пожал плечами, и между ними повисло молчание.

Первой заговорила Мадлен.

– Ты собираешься с ней встречаться?

Гурни сразу понял, что она говорит о Ребекке, должно быть, услышала сообщение на автоответчике. Ее небрежный тон задел его.

– Я не очень понимаю, каким образом. Не раньше, чем мы вернемся из Вермонта, да и то...

– Она найдет способ.

– В каком смысле?

– Ты же понимаешь, что интересен ей.

– Ребекку интересует только ее карьера и любые контакты, которые могут быть полезны ей в будущем.

Снова тишина. На этот раз заговорил Гурни.

– Что-то не так?

– Что не так?

– После визита Джека и Джейн ты словно где-то далеко.

– Извини. Я, наверное, просто не в настроении.

Она развернулась и ушла на кухню.

Быстро и почти без разговоров они поужинали пикшей с вареной картошкой и разогретым в микроволновке горошком. Когда они убирали со стола, Гурни спросил:

– Ты предупредила Сару, что мы уезжаем на день раньше?

– Нет.

– Скажешь ей?

– Да.

– Если с утра мы откроем курятник и выпустим курей гулять, нужно будет, чтобы кто-нибудь закрыл их вечером.

– Хорошо. Я ей позвоню.

Воцарилось молчание, и Мадлен взялась мыть посуду: тарелки, столовые приборы, сковородку из-под пикши, кастрюлю для картофеля. Поставила все сушиться. Еще много лет назад Мадлен настояла на том, что это будет ее ежедневный ритуал.

Гурни отводилась второстепенная роль – он сидел и наблюдал.

Закончив, Мадлен вытерла руки; однако вместо того, чтобы взять книгу и устроиться в своем любимом кресле в дальнем углу комнаты около печки, она так и стояла, глубоко погружившись в свои мысли.

– Мэдди, что, черт возьми, происходит?

Только открыв рот, он уже знал, что не прав, что вопрос свой задал скорее от недовольства, чем из беспокойства.

– Я же сказала. Просто столько всего накопилось. Во сколько мы выезжаем?

– С утра. В восемь? Может, в восемь тридцать? Хорошо?

– Ладно. Ты собрался?

– У меня не очень много вещей.

Несколько секунд она смотрела на него, потом погасила свет над раковиной и вышла из кухни в коридор, ведущий в их спальню.

Он посмотрел за французские двери и ничего не увидел. Вечерние сумерки уже давно переросли в беспроглядную ночь, безлунную и беззвездную.

Глава 11

Где-то после полуночи погода резко переменилась, ветер разогнал тучи, и лунный свет озарил кленовую рожицу за окном их спальни.

Проснувшись от шума ветра, Гурни встал, сходил в туалет, выпил стакан воды и остановился у окна. Лунный свет, словно иней, серебрился на пожухлой траве.

Он вернулся в постель, закрыл глаза и попытался расслабиться, надеясь снова заснуть. Но вместо этого в голове у него, как заевшая пластинка, крутились тревожные образы, обрывки прошедшего дня, запутанные вопросы и недозревшие гипотезы.

Пронзительный звук, перекрывший шум ветра, прервал его мысли. И вдруг стих. Гурни ждал, вслушиваясь. Звук снова раздался, на этот раз более отчетливо. Визгливый лай койотов. Он представлял себе, как мелкие, похожие на волков звери окружают свою жертву на освещенном луной скалистом утесе, где-то над верхним пастбищем.

Утром Гурни проснулся разбитым. Он заставил себя вылезти из кровати и пойти в душ. Горячие мощные струи, как всегда, творили чудеса – прочищали мозги и возвращали к жизни.

Вернувшись в спальню, он обнаружил две спортивные сумки, которые Мадлен притащила еще вчера утром. Они лежали на банкетке у изножья кровати. Сумка Мадлен была набита вещами и закрыта на молнию, его же – стояла пустая, в ожидании того, что он туда положит. Он не любил собираться, наверное, из-за того, что вообще не любил поездки, особенно те, от которых должен был получать удовольствие. Однако он быстро справился, собрав в сумку все немного, что могло ему понадобиться. Пройдя через кухню, он вынес обе сумки к боковой двери, где Мадлен уже сложила их лыжные костюмы, снегоступы и лыжи. Увидав все это, он вдруг с горечью осознал, что из всей поездки ему интересен лишь один день на Волчьем озере.

Он отнес все вещи к машине. Укладывая сумки в багажник хэтчбека, он увидел укутанную в теплое пальто Мадлен, пробирающуюся через пастбище со стороны пруда.

Когда она вошла в дом, Гурни уже был на кухне и варил кофе. Услышав шаги в прихожей, он окликнул ее:

– Кофе готов, ты будешь?

Он не разобрал, что она пробормотала в ответ. И повторил вопрос, когда она появилась на пороге кухни.

Мадлен покачала головой.

– Ты в порядке?

– Ну конечно. Все вещи уже в машине?

– Кажется, да. Сумки, все для лыж.

– Навигатор?

– Само собой. А что?

– Мы делаем немалый крюк, не заблудиться бы.

– Там не так много дорог, не заблудимся.

Мадлен кивнула с некоторой отрешенностью, которую он заметил в ней еще вчера. Выходя с кухни, она прохладно добавила:

– Пока ты был в душе, тебе оставили сообщение. На домашнем телефоне.

Гурни пошел кабинет, чтобы проверить автоответчик, подозревая, что сообщение оставила Ребекка.

Так оно и было.

“Здравствуй, Дэйв. Четыре человека и один и тот же сон? В каком смысле? Похожие в общих чертах? Или образы совпадают точь-в-точь? В первом случае – притянута за уши. Во втором – охренеть! Надо бы копнуть глубже. Слушай, каждую пятницу у меня лекция, на психфаке в университете в Платсберге. Так вот завтра я там буду. Гугл говорит, что это

всего сорок километров от Волчьего озера. У тебя получится подъехать? Можем встретиться в гостинице «Колд-Брук», где я остановлюсь. Если ехать со стороны Волчьего озера, гостиница будет прямо перед кампусом. Перезвони мне”.

Гурни застыл около письменного стола, пытаясь рассчитать время и расстояние, а также раздумывая над тем, как ко всему этому отнесется Мадлен. Нужно было хорошенько все обдумать перед тем, как перезванивать Ребекке.

По дороге из Уолнат-Кроссинга на север, в адирондакскую глухомань, сельский пейзаж за окном попеременно то радовал глаз, то наводил тоску. Многие из этих городков уже вымерли или были близки к тому – заброшенные торговые островки, облепившие дороги штата, как древесные грибы-паразиты. Встречались целые долины, где, куда ни глянь, все было в полуразрушенном состоянии, словно из земли просачивались отравляющие вещества.

Чем дальше на север они продвигались, тем обширнее становились снежные лоскуты на полях цвета сепии, температура падала, тучи сгустились.

Заехав в деревеньку, подающую еще какие-то признаки жизни, Гурни свернул на заправку; напротив красовалась вывеска “Кафе-кулинария «Райский латте»”. Наполнив бак, он выехал с заправки и припарковался на первом попавшемся месте.

Спросил Мадлен, хочет ли она кофе. Или, может быть, перекусить?

– Я хочу просто выйти из машины, размяться и подышать воздухом.

Он перешел дорогу и вошел в небольшое заведение, обнаружив, что оно не совсем соответствует названию.

“Кулинария” представляла собой холодильник, в котором под светом тусклой лампочки была выставлена холодная мясная нарезка, как в детстве Гурни, в Бронксе – вареная колбаса, вареный окорок и ярко-оранжевый американский сыр, по соседству – судки с картофельным и макаронным салатами, с большим количеством майонеза. “Кафе” же состояло из двух накрытых клеенками столиков; возле каждого по четыре складных стула.

За одним столиком сидела парочка морщинистых женщин, молча наклонившихся друг к другу, словно посреди их разговора кто-то нажал на кнопку “пауза”.

“Райский латте” являл собой маленькую эспрессо-машину, не подававшую признаков жизни. То и дело где-то под полом раздавался стук и свист паровых труб. Под потолком гудела люминесцентная лампочка.

Одна из морщинистых женщин повернулась к Гурни:

– Выбрали что-нибудь?

– У вас есть обычный кофе?

– Кофе есть. Не могу сказать, насколько он обычный. Что-нибудь туда добавить?

– Просто черный кофе.

– Минутку.

Она потопталась на месте, обошла холодильник и исчезла.

Через несколько минут она вернулась и поставила на прилавок дымящийся пенопластовый стаканчик.

– Доллар за кофе, восемь центов за губернатора, который и восьми центов ни стоит. Этот чертов придурок издал закон вернуть в парк волков. Волков! Никто его не переплюнет в слабоумии. Парк – семейное место, для детей. Придурок чертов! Вам нужна крышечка?

Гурни отказался от крышки, положил на прилавок доллар и пятьдесят центов, поблагодарил ее и ушел.

Он заметил Мадлен в паре кварталов от кафе, на главной улице, она шла к нему. Он сделал пару глотков кофе, чтобы не пролить, и пошел ей навстречу.

Они неторопливо шли к машине, когда из двухэтажного офисного здания вышла молодая пара. Девушка держала на руках младенца, завернутого в одеяло. Мужчина подошел к води-

тельской двери машины, припаркованной у выхода из здания, и остановился. Он взглянул на девушку и неуверенным шагом двинулся обратно к ней.

Гурни был теперь достаточно близко, чтоб разглядеть лицо девушки: ее рот, искаженный гримасой горя, и слезы на щеках. Мужчина подошел к ней, беспомощно остановился на мгновение, а затем обнял ее и ребенка.

Гурни и Мадлен заметили вывеску на доме и оба оцепенели. Над именами трех докторов было написано “Педиатрическая клиника”.

– О господи... – Слова Мадлен прозвучали как слабый стон.

Гурни всегда сам признавал, что у него проблемы с эмпатией, что страдания других редко задевают его за живое; но иногда, как сейчас, неожиданно он переживал общее горе, такое великое горе, что глаза наполнялись слезами, а сердце разрывалось.

Он взял Мадлен за руку, и молча они добрели до машины.

Глава 12

Примерно в полутора километрах от деревни они увидели придорожный указатель, сообщавший, что здесь начинается Адирондакский парк. Гурни показалось, что “парк” – слишком скромное слово для описания необъятных просторов девственных лесов, озер и болот, по размерам превосходивших целый штат Вермонт.

Черета запущенных фермерских поселений за окном сменилась на куда более дикие места. Заросшие луга и горные кустарники уступили место темным хвойным лесам.

Дорога все поднималась вверх, и высоченные сосны уступали место корявым елям, сердито сторбившимся под напором суровых зимних ветров. Здесь даже пролески казались мрачными и зловещими.

Гурни заметил, что Мадлен тревожно оглядывается по сторонам.

– Где мы? – спросила она.

– В смысле?

– Приблизительно рядом с чем?

– Мы ни с чем не рядом. Думаю, мы милях в семидесяти-восемидесяти от Хай-Пикс. До Волчьего озера еще где-то километров сто пятьдесят.

В воздухе разливался морозный туман, столь легкий, что его подхватывала метель. Сквозь этот ледяной фильтр скрючившиеся деревья и гранитные скалы казались еще более угрюмыми.

Еще через два часа, за которые они встретили лишь несколько машин, едущих им навстречу, навигатор объявил о прибытии в пункт назначения. Однако гостиницы видно не было. Перпендикулярно главному шоссе начиналась грунтовая дорога, обозначенная незаметной бронзовой табличкой на железном столбе:

Природный заповедник голлов

Гостиница “Волчье озеро”

Частная дорога – только для гостей

Гурни повернул. Где-то метров через восемьсот дорога стала круче. В тумане, смешанном с дождем, изогнутые деревья играли зловещую шутку – они внезапно появлялись из ниоткуда и тут же исчезали.

Мадлен вдруг резко повернулась, увидев что-то в окне.

Гурни взглянул на нее.

– В чем дело?

– Кажется, я кого-то увидела.

– Где?

Она показала пальцем.

– Вон там. Около деревьев.

– Ты уверена?

– Да. Я видела, кто-то стоял возле тех корявых деревьев.

Гурни притормозил и остановился.

Мадлен встревожилась.

– Что ты делаешь?

Он осторожно стал сдавать назад.

– Скажи мне, когда подъедем к тому месту.

Мадлен снова повернулась к окну.

– Вот здесь, вот это дерево. А вон там, видишь, ой... Мне показалось, что тот пенёк возле согнутого дерева – человек. Прости.

Увы, тот факт, что это был всего лишь пенёк, а не затаившийся в этом неприветливом месте человек, не успокоил Мадлен, в ее голосе все еще слышалась тревога.

Они двинулись дальше, и вскоре в веренице корявых елок образовался просвет, и они заметили ветхую лачугу, такую же мрачную и неудобную, как и обледенелая гранитная плита под ней.

Лежавший между ними телефон Гурни внезапно зазвонил, и Мадлен инстинктивно отдернула руку.

Гурни взял телефон: звонил Хардвик.

– Да, Джек?

– И вам доброе утро, Детектив Гууни. Вот решил звякнуть, узнать, как вы там поживаете в этот чудесный день, дарованный нам Господом.

– К чему этот южный акцент?

– Я просто только что говорил с нашим дорогим лейтенантом из Палм-Бич, и эта манера говорить – словно неспешно пробираешься сквозь тягучую патоку – весьма заразна.

– С Бобби Беккером?

Хардвик перестал паясничать.

– Ага. Я хотел узнать, не в курсе ли они там про Кристофера Хорана, откуда он взялся и как вышло, что он стал владельцем этой квартиры.

– И что?

– Да почти ничего они не знают. Кроме того, что в его старых водительских правах, которые он пару лет назад поменял на флоридские, предыдущим местом жительства указан Форт-Ли, Нью-Джерси.

– Получается, три наши жертвы в не столь отдаленном прошлом проживали в пределах досягаемости нью-йоркского метро.

– Все верно.

– Судя по тому, что Джейн говорила про Пейтона, он не похож на человека, который предпочел бы жить в горах. Разве что он скрывается от кого-то.

– Я говорил об этом Джейн по дороге от вас. Она считает, что там ему проще давать взятки, чем в городе.

– Она случайно не знает, кому и за что?

– Никаких имен. Но от Пейтона вечно одни неприятности. Думаю, в лесной глуши куда дешевле заручиться полезными покровителями, чем в городе. Джейн считает, что он предпочитает жить за городом, чтобы творить дурные делишки на относительно безопасной территории.

– Мерзавец Пейтон.

– Можно и так сказать.

– Мерзавец, который вот-вот унаследует огромное состояние.

– Ага.

– От брата, который только что погиб при очень странных обстоятельствах.

– Ага-ага.

– Но, насколько я понимаю, Пейтон ведь вне поля зрения Фентона?

– Именно.

Голос Хардвика стал прерываться и разваливаться на нечленораздельные звуки, а потом и вовсе пропал.

Гурни взглянул на экран мобильного и увидел, что сигнал потерян. Мадлен смотрела на него.

– Звонок оборвался?

– Мертвая зона.

Он внимательно смотрел вперед. На дороге лежал слой мокрого снега.

– Долго нам еще ехать?

– Понятия не имею.

Он взглянул на Мадлен.

Та сжала руки в кулаки, большими пальцами внутрь.

Гурни обратил внимание на овраг метрах в трех от того места, где, как он прикидывал, была левая обочина. Тут же, в самый неподходящий для этого момент, дорога стала круче. Секунду спустя машина потеряла управление.

Гурни переключился на первую скорость и попытался медленно двинуться вперед, но заднюю часть автомобиля стало заносить в сторону оврага. Он убрал ногу с педали газа и аккуратно нажал на тормоз. Машину неприятно занесло, и она остановилась. Гурни включил заднюю передачу и осторожно пополз назад, вниз по дороге, подальше от оврага. Отъехав от того места, где дорога становилась круче, он легонько нажал на тормоз. Машина наконец остановилась.

Мадлен всматривалась в лес.

– И что нам теперь делать?

Гурни посмотрел вдаль дороги, насколько мог видеть.

– Кажется, мы метрах в ста от вершины. Если бы я смог разогнаться...

Он осторожно тронулся вперед. Затем попытался ускориться на том самом месте, но внезапно задние колеса занесло и машину резко развернуло в сторону оврага. Гурни слишком сильно крутанул руль в обратном направлении, и с неприятным звуком машина правыми колесами слетела в кювет.

Двигатель заглох. В наступившей тишине было слышно лишь, как усиливается ветер и как ледяная крупа стучит по лобовому стеклу.

Глава 13

После нескольких неудачных попыток вытащить машину, но в результате лишь вогнав ее еще глубже в кювет, Гурни решил попробовать пешком дойти до вершины холма, откуда, возможно, он смог бы позвонить или увидеть, далеко ли еще до гостиницы.

Он надел лыжную шапку, поднял воротник и двинулся по дороге. Не успел он сделать и шага, как услышал жуткий вой, который, казалось, звучал отовсюду и в то же время ниоткуда. Гурни привык к лаю и вою койотов в горах в Уолнат-Кроссинге, но этот вой был другой – более глубокий, вибрирующий и протяжный, он пробирал до мурашек. Вдруг вой прекратился так же внезапно, как и начался.

Гурни собрался было достать “беретту” из кобуры на голени, но решил понапрасну не тревожить Мадлен и просто побрел вверх в гору.

Он прошел не больше двенадцати метров, как услышал крик из машины.

– Дэвид!

Он обернулся и, поскользнувшись, упал на бок.

Поднявшись на ноги, он увидел, в чем дело.

Метрах в трех от машины в ледяном тумане был виден расплывчатый серый силуэт.

Осторожно пройдя вперед, Гурни разглядел высокого худощавого мужчину в длинной холщовой куртке. На нем была шапка из свалывшейся шерсти, будто бы сшитая из кусочков звериных шкурок. На ремешке из грубой кожи, затянутом у него на поясе, висел охотничий топорик в футляре.

Разделявшая их машина позволила Гурни незаметно поднять ногу и переложить “беретту” из кобуры в карман куртки. Он крепко сжимал ее, держа большой палец на предохранителе.

В желтых глазах мужчины было что-то почти звериное. Во рту виднелись сломанные и сточенные потемневшие зубы.

– Берегитесь.

Голос у него был скрипуч, как ржавая дверная петля.

– Чего? – спокойно спросил Гурни.

– Здесь зло.

– Здесь, на Волчьем озере?

– Ну, озеро без дна.

– Без дна?

– Без. Всегда так было.

– Что за зло здесь обитает?

– Ястреб знает.

– Ястреб?

– Ястреб знает зло. Повелитель ястреба знает все, что знает ястреб. Отпускает ястреба.

К солнцу, к луне.

– А вы что здесь делаете?

– Починяю, что сломается.

– В гостинице?

– Ну.

Поглядывая на топорик, Гурни решил продолжать разговор так, будто в нем не было ничего необычного; он надеялся хоть что-то для себя прояснить.

– Меня зовут Дэйв Гурни. А вас?

В странном взгляде незнакомца промелькнуло что-то, словно сиюминутный пристальный интерес.

Гурни решил было, что мужчине знакомо его имя. Но когда тот обернулся на дорогу, стало ясно – его внимание привлекло что-то другое. Через несколько секунд Гурни услышал звук приближающегося автомобиля, едущего на низкой скорости. Он разглядел в тумане белые круги фар, преодолевших вершину, и теперь движущихся вниз.

Он хотел было посмотреть, как отреагировал незнакомец, но того уже и след простыл.

Вылезая из машины, Мадлен показала в сторону леса:

– Он убежал вон в ту рощу.

Гурни оглянулся в надежде услышать звук шагов и шорох веток, но слышен был лишь ветер.

Мадлен с нетерпением смотрела на приближающийся автомобиль.

– Кто бы это ни был, слава богу!

Винтажный “лендровер”, как из старых приключенческих фильмов про сафари, остановился на склоне чуть выше “аутбека”. Из машины вылез высокий стройный мужчина в шикар-ной непромокаемой куртке “Барбур” и высоких резиновых сапогах – он был похож на англий-ского джентльмена, в ненастный день выбравшегося пострелять фазанов. Он снял капюшон, волосы у него оказались седые, коротко стриженные.

– Чертовски паршивая погода, да?

Гурни согласился.

Мадлен, спрятав руки в карманы куртки, тряслась от холода.

– Вы из гостиницы?

– Да, из гостиницы. Но не от гостиницы.

– Простите, что?

– Я приехал сюда из гостиницы. Но я там не работаю. Всего-навсего гость. Зовут меня Норрис Лэндон.

Вместо того чтобы сквозь пургу идти жать Норрису руку, Гурни представился. Он собрался было представить Мадлен, но Лэндон заговорил первым.

– А это, должно быть, ваша очаровательная жена, Мадлен, я прав?

Мадлен удивленно улыбнулась.

– А вы, должно быть, комитет по встрече гостей?

– Не совсем так. Но я человек с лебедкой – думаю, для вас это ценнее.

Мадлен с надеждой в голосе спросила:

– Думаете, у этой штуки получится вытащить нас из кювета?

– Ей это не впервой. Не хотел бы оказаться здесь без нее. Я сегодня говорил с Джейн Хэммонд, и она очень волновалась по поводу вашего приезда в такую ужасную погоду. В гости-нице сейчас не хватает работников. Вот я и вызвался успокоить Джейн – проверить состояние дороги, убедиться, что нет упавших деревьев и тому подобного. Тут все очень быстро меняется. Реки выходят из берегов, на дорогах образуются впадины, сходят оползни, внезапно начина-ется гололед – здесь бывает опасно даже в самые лучшие деньки.

Произношение его было не типично американским и не британским, а среднеатлантиче-ским; когда-то эту манеру говорить ввели в обиход интеллигентные богачи на северо-востоке, и она очень поощрялась в Лиге плюща, до тех пор пока эти университеты не заполнились будущими основателями хедж-фондов, которым было плевать на светскость речи, лишь бы побыстрее разбогатеть.

– Вы знаете, где у вас буксирный крюк, и сможете ли вы до него дотянуться в таком неудобном положении?

Перед тем как ответить, Гурни заглянул под перекошенный передок автомобиля.

– Думаю, да, отвечая на оба ваших вопроса.

– В таком случае мы сейчас мигом вытянем вас на дорогу.

Мадлен была взволнована.

– Перед тем как вы приехали, из леса к нам вышел какой-то человек.

Лэндон растерянно заморгал.

– Странный тип с топориком на поясе, – добавила Мадлен.

– С желтыми глазами и нес всякую чепуху?

– Вы знаете его? – спросил Гурни.

– Это Барлоу Тарр. Живет здесь неподалеку, в старой лачуге. На мой взгляд, от него сплошные неприятности.

– Он опасен? – спросила все еще дрожавшая Мадлен.

– Некоторые говорят, что он безобидный тип. Я в этом не уверен. Я однажды видел, с каким безумным взглядом он точил свой топорик. И охотится он с ним. Помню, как он с десяти метров кролика пополам разрубил.

Мадлен ужаснулась.

– Что еще вам про него известно? – спросил Гурни.

– Подрабатывает в гостинице, он вроде как мастер на все руки. Его отец здесь тоже работал. И дед. Тарры, все они, мягко говоря, немного неуравновешенные. Горный народ, живут здесь испокон веков. Состоят в странном родстве между собой, если вы понимаете, о чем я, – рот его искривился от отвращения. – Он хоть что-нибудь вразумительное сказал?

– Зависит от того, что вы считаете вразумительным.

Гурни стряхнул снег, налипший на плечи его куртки.

– Может, мы прицепим лебедку, а попозже поговорим про семейство Тарр?

Понадобилась четверть часа, чтобы поставить “лендровер” под правильным углом и как следует прицепить трос к буксирному крюку. Затем лебедка сделала свое дело, и спустя некоторое время застрявший автомобиль был вызволен из кювета и вытянут на дорогу сильно выше того места, где их занесло. Лэндон смотал трос лебедки, развернул “лендровер” и двинулся обратно, вверх по холму; Гурни поехал за ним.

Они миновали вершину холма, видимость сильно улучшилась, и Мадлен немного расслабилась.

– Тот еще персонаж, – сказала она.

– Кто, деревенский сквайр или мастер на все руки?

– Сквайр. Кажется, он много всего знает.

Мадлен отвлеклась на открывавшийся перед ними суровый пейзаж.

Череды зубчатых вершин и горных кряжей темно-лилового цвета простиралась в окутанный туманом горизонт. Издалека создавалась иллюзия острых краев – словно вершины и кряжи были вырезаны из листового железа.

Ближайшая вершина – километрах в трех – была особенной формы, и Гурни узнал ее по фотографиям из интернета, которые он изучил перед отъездом. Она звалась Клыком Дьявола – и правда казалось, будто громадный клык упирается в небеса. К нему примыкал Кладбищенский кряж. Давным-давно выстроившиеся в ряд огромные глыбы гранита были похожи на надгробия, уходившие в небо.

Отвесный склон Кладбищенского кряжа длиной километра в три был западным краем Волчьего озера. На северном конце озера, в продолговатой тени Клыка Дьявола, стоял старый Адирондакский лагерь, также известный, как гостиница “Волчье озеро”.

Глава 14

Дорога спустилась к озеру, и лес снова преобразился – здесь росли высокие, могучие сосны, скрывающие из виду окрестные горы.

Проехав последний поворот, они поравнялись с озером и направились к внушительному дому из камня и дерева, стоявшему на берегу. С удивительной остротой Гурни почувствовал первозданную силу этого места и нависавших над ним Клыка Дьявола и Кладбищенского кряжа.

Впереди они увидели огромный деревянный навес, пристроенный к дому. Лэндон уже поставил свой “лендровер” под навесом и махал рукой Гурни, чтобы тот припарковался за ним. Когда они с Мадлен вылезли из машины, Лэндон прятал в карман свой мобильный.

– Я сообщил Остену, что вы приехали.

Он указал в сторону застекленных деревянных дверей, одна из которых как раз открылась.

Из дома вышел крепкий мужчина с бритой головой и пронзительными глазами. От него исходила какая-то невероятная мощь, которая, казалось, вместе с потом проступала на его лысой голове.

– Детектив Гурни, миссис Гурни, добро пожаловать в гостиницу “Волчье озеро”. Меня зовут Остен Стекл.

Его рукопожатие оказалось крепким, как у спортсмена-профессионала. Гурни заметил обгрызенные до мяса ногти. Грубый голос и городской выговор Стекла разительно отличались от неумовимо надменного аристократичного урчания Лэндона.

– Позвольте помочь вам с багажом.

– Спасибо, но у нас совсем немного вещей, – Гурни обошел автомобиль и достал спортивные сумки. – Можно оставить машину здесь?

– Разумеется. Кстати, у нас есть парочка новеньких джипов в полном распоряжении гостей. Отличные внедорожники. Если вам это по душе, конечно. Предупредите меня, если захотите прокатиться.

– Ладно, Дэйв, – вклинился Лэндон, – кажется, вы в надежных руках – Он взглянул на часы. – Два сорок два. Как насчет того, чтобы собраться в каминном зале в три часа и пропустить стаканчик-другой?

– Договорились. До скорого.

Лэндон не спеша вошел в гостиницу, за ним последовал Стекл, передвигавшийся с легкостью и быстротой, необычной для такого плотного человека. Мадлен и Гурни вошли последними.

За огромной двойной дверью располагалась комната с высоким потолком, обшитая сосновыми панелями и освещенная громадной люстрой из оленьих рогов. На стенах висело множество охотничьих трофеев, а также старинных ружей, мечей, ножей и индейских щитов, украшенных перьями.

В темном углу стояло чучело черного медведя – с оскаленной пастью и устрашающими когтями.

Подойдя к стойке регистрации, Гурни увидел у Стекла в руках большой старинный ключ.

– Это вам, детектив. Президентский номер. За счет заведения.

Гурни вопросительно посмотрел на него, и Стекл объяснил:

– Джейн рассказала мне, зачем вы здесь – чтобы помочь, разобраться в деле и все такое. Самое малое, что мы можем сделать, – это позаботиться о том, чтобы вам было хорошо и удобно. Президентский номер принадлежал хозяину, основоположнику этого дома, Далтону Голлу. Он добился больших успехов. Владел рудниками, полезными ископаемыми. Косил

деньги косой. Через несколько лет после открытия сюда приезжал президент Уоррен Гардинг. Само собой, его поселили в комнате хозяина. Президенту так понравилось здесь, что он задержался аж на целый месяц. С тех пор номер и зовется президентским. Надеюсь, вам понравится. Не подняться ли нам наверх?

Гурни подхватил сумки, и Стекл провел их из холла вверх по широкой сосновой лестнице в коридор с узорчатым красным ковром, напомнившим Гурни ковер из гостиницы в фильме «Сияние».

Стекл остановился перед массивной деревянной дверью и вставил большой железный ключ в старинную замочную скважину. Повернув потускневшую ручку, он открыл дверь. Он вошел первым, через несколько мгновений зажегся свет, и взору открылась большая комната, обставленная в грубоватом традиционном стиле кантри – кожаные диваны и кресла, индейские ковры, простые дощатые полы и настольные лампы.

Мадлен попятилась, пропуская Гурни вперед.

– Здесь нет мертвых животных, вроде той огромной туши в холле?

– Нет, ничего такого.

Она осторожно вошла в комнату.

– Ненавижу подобные штуки.

Стекл раздвинул шторы, за которыми оказались окна, выходящие на озеро, и стеклянная дверь на балкон. Слева от Гурни были дверь и арочный проход в большую спальню, где стояла кровать с балдахином. За дверью находилась ванная комната, размером превосходившая домашний кабинет Гурни: отделенный туалет, душевая кабина в углу, чересчур большая раковина, огромная ванна на львиных лапах и столик с кипой махровых полотенец.

Справа, на огромном, почти во всю стену, портрете был изображен Уоррен Гардинг, управлявший Америкой, скатившейся в преступный беспредел во времена сухого закона. Портрет висел над баром, забитым выпивкой. В глубине комнаты по той же стене был камин, облицованный камнем, и чугунная подставка с дровами.

Стекл показал на вид, открывавшийся из окон, и сказал:

– Добро пожаловать в нашу глухомань.

Каминный зал, названный так из-за гигантского каменного камина, был обставлен в том же роскошном загородном стиле, что и номер Гурни, – кожаная мебель, племенное искусство и оружие, а также бар со всевозможными сортами бурбона, скотча, джина, портвейна, хереса, вермута, хрустальными стаканами и серебряными ведерками для льда, оставшимися от прошлых поколений.

Когда Мадлен и Гурни вошли в комнату, им приветливо помахал Норрис Лэндон, уже сидевший в одном из мягких кожаных кресел.

– Налейте себе чего-нибудь покрепче и идите сюда, к камину.

Подойдя к бару, Гурни взял простую содовую. Он удивился, увидев, что Мадлен налила себе джин с апельсиновым соком.

Взяв стаканы, они пошли в другой конец зала, к камину, и уселись на диван напротив Лэндона, который, переодевшись, выглядел очень по-домашнему: на нем был желтый кашемировый свитер, песочные вельветовые штаны и мокасины на меху. Вяло улыбнувшись, он поднял стакан, в котором было нечто похожее на скотч со льдом:

– Выпьем за успех вашего визита.

– Спасибо, – сказал Гурни.

Мадлен кивнула, улыбнувшись.

Лэндон пригубил виски.

– Всегда приятно посидеть у огня, не правда ли?

– Очень, – согласился Гурни. – А кроме нас, есть еще гости?

– Сейчас весь дом в нашем полном распоряжении. Нет худа без добра, как говорится, – число работников сократилось. Конечно, Хэммонды все еще тут, но они живут отдельно, в шале Ричарда. После тех трагических событий Остен отменил все зимние бронирования. Вполне закономерное решение. Учитывая произошедшее, да и этот чрезмерный энтузиазм журналистов. Чертовски мудрое решение прикрыть бизнес до тех пор, пока не будет каких-то удовлетворительных результатов расследования. Во всяком случае я так понимаю решение Остена. Остена и Пейтона, само собой.

Кивнув, Гурни прихлебнул содовой.

– Вы, должно быть, весьма необычный гость, учитывая, что все зимние бронирования отменены.

Лэндон смущенно рассмеялся.

– Не сказал бы, что я необычный. Но я довольно часто сюда приезжаю. И поскольку я был здесь, когда все случилось... Видимо, Остен позволил мне остаться.

– Давно вы сюда приезжаете? – спросила Мадлен.

– Не так уж давно, я обнаружил это место пару лет назад. Но с тех пор... Сезон охоты на пернатую дичь, весенняя охота на индейку, осенняя охота на индейку, охота на оленя, на медведя, на мелкую дичь, рыбалка. Да и вообще, если честно, я просто влюбился в это место. Я так надеюсь, что это не конец, – он снова поднял стакан. – За скорейшее разрешение проблемы! Ради всех нас!

Последовавшая тишина была нарушена Гурни.

– Все эти виды охоты, вероятно, требуют целого арсенала оружия?

– Признаюсь, у меня славный ассортимент спортивного оружия.

– Вы, кажется, упомянули, что штат был сокращен. Кроме Остена, кто еще здесь сейчас работает?

– Шеф-повар – он каждый день приезжает из Платсберга. Помощник по кухне. Горничная – она содержит дом в порядке. Еще пара ребят, которых Остен вызывает по необходимости, – он, словно извиняясь, пожал плечами, – ну и Барлоу Тарр, конечно.

– Необычный работник для столь роскошного места.

– О да, я согласен. Видите ли, Итан считал, что нет безнадежных людей. Полная чепуха, на мой взгляд. Наглядный тому пример – весь клан Тарров. Даже Итан, с его проклятым оптимизмом, был близок к тому, чтобы поставить крест на Тарре. Ему было крайне сложно признать, что он не в силах кому-то помочь. Вот в чем штука. Барлоу, он как погода в горах. Отвернешься на минуту и никогда не угадаешь, как она переменится. Итан разрешил ему остаться, жить в домике в лесу, с условием, что тот будет держаться подальше от гостей. Но вот к вам-то он вышел – явно нарушив договор.

Лэндон замолчал, будто обдумывая последствия нарушения договора.

– Я правильно понимаю, что Итан частенько нанимал на работу... людей с трудностями?

– Несомненно. Его главная добродетель и его же главный недостаток.

Гурни задумался об этой особенности Итана, а затем спросил:

– Вы что-нибудь знаете о фонде Голла “Новая жизнь”?

Лэндон задумчиво разглядывал свой стакан.

– Сколотить такой фонд, несомненно, в духе Итана. Он был непростым человеком. Целеустремленным, упрямым, деспотичным. Человеком с железной волей. Не сомневался, что делает все правильно. Акула бизнеса. В одиночку возродил это место.

– Однако вас, кажется, что-то смущает?

– Мда. Под личиной акулы скрывался миссионер. Фанатик. Фанатик, уверовавший в то, что всякого можно исправить. Отсюда и вырос фонд Голла “Новая жизнь”, который перевоспитывает опасных преступников и помогает им начать жизнь в обществе с чистого листа.

– Я слышал, у них были хорошие результаты.

– Совершенно верно. Выдающиеся! Яркий пример тому сам Остен.

– Остен Стекл – бывший преступник?

Лэндон огорченно поморщился.

– Кажется, я увлекся, хотя он и сам этого не скрывает... Тем не менее это не мое дело. Пусть он сам расскажет, – на несколько мгновений он притих. – Если у вас появятся какие-то еще вопросы про Волчье озеро, я всегда рад поделиться своими скромными знаниями.

Вдруг, с тревогой в голосе, Мадлен сказала:

– Сегодня на дороге этот Тарр сказал что-то про озеро без дна. Вы не знаете, что это могло бы значить?

– Ах, да. Бездонное озеро. Один из Близнецов Дьявола.

– Кого?

– Близнецы Дьявола. Особенность местной геологии, обросшая суевериями. Похоже, что два озера, находящиеся на противоположных концах главного хребта, на довольно большом расстоянии друг от друга, соединяются системой подземных тоннелей и пещер. Одно из них – Волчье озеро.

– Он это имел в виду, говоря, что у озера нет дна?

– Отчасти. Есть еще одна важная подробность – то, как была обнаружена связь между озерами. В середине прошлого столетия две юные девочки катались на каноэ по другому озеру. Каноэ перевернулось. Одна девочка сумела доплыть до берега, а вторая утонула. Озеро прочесали от и до, водолазы долго вели поиски, но тело так и не нашли. Необъяснимая загадка тех лет. Строилось множество предположений. Сговор преступников, мистическая версия. Короче говоря, полный цирк.

Мадлен нетерпеливо заморгала и спросила:

– А что потом?

– Ну, что потом. Спустя пять лет рыбак, ловивший сомов, зацепился леской за останки давно пропавшего тела – вернее, за скелет с остатками какой-то одежды. Суть в том, что рыбачил он на Волчьем озере, а не на том, где утонула девочка.

Гурни отреагировал весьма скептически:

– Существуют ли еще какие-нибудь убедительные доказательства этих подземных соединений?

– Да. Многократные синхронизированные измерения уровня воды обоих озер показали, что вода в них поднимается и убывает точь-в-точь в унисон, даже в случае проливного дождя над одним озером. Так что сомнений нет: соединение существует, однако оно никогда не было толком изучено и нанесено на карты, – он сделал глоток виски и улыбнулся. – Подобные истории частенько занимают умы малограмотных людей, тут же готовых напридумывать невероятных версий, желательно с участием темных сил.

Гурни не мог с этим не согласиться, однако тон Лэндона его раздражал. Он решил сменить тему.

– Вы, кажется, приезжаете и уезжаете, когда вам вздумается. Вы либо на пенсии, либо у вас очень гибкий график работы.

– Собственно говоря, я на пенсии. Иногда консультирую. Люблю природу, дикие места. Проживаю мечту заядлого туриста. Сами знаете, время летит. Живем лишь раз. Знаете старую поговорку: никто еще на смертном одре не пожалел о том, что слишком мало времени проводил на работе. А вы, Дэйв? Джейн говорила, что вы вроде как и на пенсии, а вроде и не совсем.

Гурни все еще было непросто описать свой статус. Как частенько отмечала Мадлен, термин “на пенсии” не очень подходил человеку, который с момента своей официальной отставки четыре раза с головой погружался в резонансные дела об убийствах.

– Ко мне то и дело обращаются за экспертным мнением, – объяснил Гурни, – иногда это приводит к более серьезному вмешательству в процесс.

Умышленно туманный ответ Гурни вызвал у Лэндона улыбку:

– Что касается профессий, особенно связанных с риском, я считаю, что важно вовремя уйти. Предоставить другим возможность выполнять свою работу и нести ответственность. Как это должно быть ужасно – погибнуть лишь из-за жажды риска.

– Есть и другие причины оставаться.

– Хм, ну да. Тогда все куда запутаннее, – Лэндон задумчиво оглядел свой стакан, – эго, гордыня, наши представления о самих себе, все то, что придает смысл нашей жизни.

Он умолк.

Гурни нарушил молчание, как бы между прочим спросив:

– А какого рода консультации вы даете?

– Даю клиентам рекомендации по вопросам международного бизнеса. Правовые дела, культурологические аспекты, проблемы безопасности. По мне, так лучше гулять по лесам, – он повернулся к Мадлен. – А вы? Готов поспорить, вы тоже любительница природы.

Его вопрос словно вырвал ее из потока собственных мыслей.

– Да, я люблю бывать на природе. Если я не могу выбраться на свежий воздух, я чувствую...

Мадлен не успела договорить, как в зал вошла Джейн. В ее лице читались одновременно облегчение и беспокойство. Короткие неряшливо окрашенные волосы причудливо торчали во все стороны.

– Дэйв! Мадлен! Вы добрались! Я так волновалась из-за этой ужасной погоды... Но вы приехали! Как я вам рада!

Голос у нее был охрипший.

– Норрис пришел нам на помощь, – сказала Мадлен.

– На помощь? Боже мой! Что случилось?

Мадлен взглянула на Гурни.

Тот пожал плечами.

– Трудный участок дороги, мой неудачный маневр, скользкий кювет...

– Вот черт! Я переживала, что случится нечто подобное – потому-то и попросила Норриса проверить дорогу. Как хорошо, что попросила.

– Все в порядке.

– Но мы видели нечто жуткое, – добавила Мадлен.

Джейн испуганно вытаращила глаза.

– Что произошло?

– Из леса к нам вышел странный человек.

– Тарр, – объяснил Лэндон.

– Ах, да. Барлоу. Он может напугать. Он был агрессивен?

– Он сказал что-то о силах зла, обитающих здесь, на Волчьем озере.

– Господи! – Джейн с ужасом посмотрела на Лэндона.

– Ну, вот так. У Тарров это наследственное. Ничего хорошего. Все Тарры попадают в местный дурдом – семейная традиция.

Мадлен с удивлением переспросила:

– Говоря “местный дурдом”, что именно вы...

Лэндон не дал ей договорить.

– Государственная больница для душевнобольных преступников. Неподалеку отсюда. Местная достопримечательность, которую вряд ли стали бы рекомендовать в гостинице. Узнав о ней, люди не могут перестать о ней думать. Вы когда-нибудь слышали адирондакскую гагару? Даже когда знаешь, что это всего лишь птица, иногда становится не по себе от ее жалобного зова. А уж если представить себе, что это вопль психа, блуждающего по лесу, то... Скажем так, это не способствует здоровому сну.

Джейн пристально посмотрела на Лэндона, а затем повернулась к Гурни и Мадлен, сидевшим на краю дивана:

– Я сказала Ричарду, что пригласила вас на ужин. Не скажу, что он был в восторге, но во всяком случае не заявил, что в это время должен быть где-то еще. Первая преграда позади. Я решила, что совместный ужин...

Негромкий однообразный звук прервал ее на полуслове.

Лэндон заерзал на стуле, достал из кармана мобильный телефон и поглядел на экран.

– Простите, – он встал и, приложив трубку к уху, вышел из зала.

Джейн затараторила:

– Я подумала, совместный ужин позволил бы вам в более естественной, расслабленной обстановке составить представление о ситуации... и познакомиться с Ричардом... чтобы вы сами убедились, насколько нелепа идея о том, что он мог...

Она покачала головой, к глазам подступили слезы.

Обычно Гурни скептически относился к выражению эмоций, высматривая слишком уж деланные жесты и стараясь расслышать фальшивые нотки. Однако он пришел к выводу: если Джейн и притворялась, что беспокоится за брата, делала она это чертовски профессионально.

– То есть вы передумали? Я полагал, мы решили, что я появлюсь внезапно и ваш брат не сможет отказать мне, поскольку я проделал такой длинный путь лишь ради разговора с ним.

– Да, но потом я подумала, что идея совместного ужина еще лучше – более непринужденная атмосфера, особенно в присутствии Мадлен; отличный способ познакомиться с Ричардом, узнать, какой он на самом деле.

– И он не против?

Джейн утерла платочком нос.

– Ну, я немножко ему приврала.

– Насколько немножко?

Она подошла ближе к дивану и заговорщически склонилась к ним.

– Я сказала, что просила вашей помощи, но у вас серьезные сомнения насчет этого дела, и вы не хотите участвовать в расследовании. Поскольку Ричард противится помощи, в случае вашего отказа он, разумеется, расслабится и будет держаться более свободно.

– Так, а что же я тогда здесь делаю?

– Я сказала, что вы с женой будете проезжать через Адирондакские горы по дороге на лыжный курорт в Вермонте, а я пригласила вас заехать к нам на ужин.

– То есть ваш брат будет рад моему визиту, при условии, что я не буду интересоваться делом?

– При условии, что вы не будете участвовать в расследовании. А определенный интерес – это вполне естественно, правда же?

– А ему не любопытно, что за сомнения у меня якобы возникли?

– Я сказала, что не знаю. Если он спросит, вы можете что-нибудь придумать.

Эта женщина не просто опекуна и спасителя, отметил про себя Гурни. Она – патологический манипулятор. Организатор жизни других людей, мнящая себя самоотверженной помощницей.

Гурни, любопытного от природы, уже начали раздражать ее попытки привлечь его к делу. И тем не менее он скрепя сердце согласился на новый план, про себя подумав, что сможет отказаться в любой момент.

– Итак, ужин – где и во сколько?

– В шале Ричарда. В пять тридцать, если вы не возражаете. Зимой мы рано ужинаем.

Гурни вопросительно взглянул на Мадлен.

Та кивнула:

– Хорошо.

Глаза Джейн загорелись:

– Я сообщу шеф-повару. У него нынче весьма ограниченный выбор, но уверена, он придумает что-нибудь эдакое. – Она чихнула и вытерла нос скомканным платочком. – Доехать до шале Ричарда очень легко. Едете по дороге вдоль озера. Где-то в полумиле отсюда, на берегу, с лесной стороны дороги стоят три шале. Первые два – пустые. А в третьем живет Ричард. Если доберетесь до лодочного домика или до дома Голлов, туда, где дорога кончается, поймете, что заехали слишком далеко.

– Дом Голлов?

– Семейный дом Голлов. Само собой, теперь там живет только Пейтон. Пейтон и... его гости.

– Какие гости?

– Его милые подруги – хоть они ему вовсе не подруги и вовсе не милые. Неважно. Не мое дело. – Она шмыгнула носом. – Этот громадный мрачный каменный дом, за безобразным забором, выглядывает из леса прямо у подножия Клыка Дьявола. Но я правда не думаю, что вы заедете так далеко. Шале трудно пропустить. Я обязательно зажгу на улице фонари.

– Хорошо, – произнес Гурни, почувствовав как в нем закипает беспокойство. В голове его роились вопросы, которые пока было неудобно задавать.

Глава 15

Бледный зимний свет, проникавший в окна, не освещал комнату, а скорее погружал ее в серый полумрак. Мадлен стояла, скрестив руки на груди, пока Гурни бродил по комнате, зажигая светильники.

- А камин работает? – спросила она.
- Думаю, да. Хочешь, я разведу огонь?
- Было бы неплохо.

Около камина Гурни обнаружил аккуратно сложенные дрова, щепу для розжига, полдюжины вощеных топливных брикетов и длинную газовую зажигалку. Он взялся раскладывать дрова на стальной решетке, в топке. Эти простые действия отвлекали Гурни от чересчур непростых вопросов, крутившихся в голове. В тот момент, когда он уже почти поднес зажигалку к щепе, у него зазвонил телефон. На экране он увидел, что звонит Ребекка Холденфилд.

Ответить или нет? Он до сих пор ничего не решил насчет их встречи в гостинице “Колд-Брук”, однако, возможно, она сообщит что-то, что подтолкнет его к решению.

Гурни ответил на звонок.

Она сказала, что планирует остаться в Платсберге по крайней мере на два дня, с завтрашнего утра и до вечера следующего дня.

Он пообещал перезвонить ей, как только разберется со своими планами – вероятно, сегодня вечером, после встречи с Хэммондом, – и закончил разговор.

Мадлен нахмурилась:

- Чего она хочет?

Гурни опешил от ее тона и понял, что сам начинает злиться.

- Что ты имеешь в виду?

Мадлен промолчала, только покачала головой.

Гурни задумался.

- Со вчерашнего утра с тобой что-то происходит. Может, расскажешь?

Она стала растирать плечи ладонями.

- Мне просто нужно согреться.

Развернувшись, она пошла в сторону уборной.

- Пойду отогреюсь в ванне.

Она зашла в ванную комнату и закрыла за собой дверь.

Спустя несколько мгновений, Гурни подошел к камину и поджег щепу. Несколько минут он выжидающе смотрел, как вспыхивает и разгорается огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.